PG 3447
.U8 C5
1864

ЧУЖАЯ ВИНА.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Ѳ. Н. УСТРЯЛОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1864.

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PGR 2512
Book .U5
YUDIN COLLECTION

Ustrialov, Fedor Nikolaevich.

Chuzhaia vina.

ЧУЖАЯ ВИНА.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Ѳ. Н. УСТРЯЛОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

74-214303

PG 3447
.U8 C5
1864

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ. 29 декабря 1863 года.

Типографія А. А. Краевскаго (Литейная, д. № 38).

24 Jan 74.

ЧУЖАЯ ВИНА.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Петръ Степановичъ Возницынъ.
Марья Васильевна, его жена.
Вѣра Петровна, ихъ дочь.
Николай Алексѣевичъ Зарновскій.
Платонъ Степановичъ Возницынъ, отставной капитанъ.
Баронъ Сергѣй Николаевичъ Талецкій.
Наталья Александровна Данкова, его племянница.
Владиміръ Васильевичъ Стожниковъ.
Прохоръ Кузьмичъ Мѣдный, купецъ.
Степанида, няня.
Григорій, лакей Возницыныхъ.
Андрей, слуга Зарновскаго.

Дѣйствіе въ Петербургѣ. Между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ проходитъ три мѣсяца; между вторымъ и третьимъ—двѣ недѣли; между третьимъ и четвертымъ—два мѣсяца; между четвертымъ и пятымъ—одинъ годъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиная въ домѣ Возницыныхъ. Мебель богатая, но изношенная. Рояль, каминъ, нѣсколько часовъ. Петръ Степановичъ, въ утреннемъ пиджакѣ и туфляхъ, сидитъ на диванѣ и читаетъ газеты. Подлѣ него, Платонъ Степановичъ, въ военномъ сюртукѣ нараспашку и съ кисетомъ въ петлицѣ, ѣстъ черный хлѣбъ съ масломъ. Марья Васильевна, на развалистомъ креслѣ, пьетъ чай. Передъ нею сервизъ на серебряномъ подносѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Марья Васильевна, Петръ Степановичъ, Платонъ Степановичъ.

Петръ Степановичъ. — Марья Васильевна!

Марья Васильевна. — Что вамъ угодно?

Петръ Степановичъ. — Въ газетахъ-то пишутъ: южане опять побѣду одержали... въ пятнадцатый разъ!

Марья Васильевна. — Ну, пускай ихъ тамъ... Сдѣлайте одолженіе, оставьте газеты и слушайте меня: мнѣ нужно съ вами поговорить.

Петръ Степановичъ. — Сейчасъ, матушка! Дай, только статью окончу...

Марья Васильевна. — Господи, что за наказаніе! *(Отнимаетъ у него газеты)* Что это за мужъ какой! все я, во всемъ я, а ему и горя мало!

Петръ Степановичъ. — Ну, хорошо, хорошо, Марья Васильевна!

Платонъ Степановичъ. — Вы позволите мнѣ, сударыня, трубочкой затянуться?... смерть, какъ хочется!

Марья Васильевна. — Пожалуйста, немного! Того гляди, кто-нибудь пріѣдетъ, а въ комнатѣ дымъ столбомъ...

Платонъ Степановичъ. — Нѣтъ-съ, я двѣ-три затяжки... *(Набиваетъ коротенькую трубку и закуриваетъ спичкой)*.

Марья Васильевна *(мужу)*. — Ну, слушайте: Вѣрочкѣ скоро будетъ восемнадцать лѣтъ; воспитаніе свое она окончила блестящимъ образомъ... этимъ, не хвастаясь, скажу, она обязана единственно мнѣ, потому что вы... Но не объ этомъ рѣчь. Мы должны подумать о ея судьбѣ. Ей недостаетъ только одного —

приданаго, то-есть денегъ. По вашей милости, у насъ ни копейки нѣтъ: все, что̀ есть, проживаемъ... Осталась одна деревушка, да и ту скоро съ молотка продадутъ... Все вы позаботиться заранѣе не умѣли, а еще такое мѣсто хорошее было!...

Платонъ Степановичъ. — Гмъ, гмъ!

Марья Васильевна. — Что-съ?

Платонъ Степановичъ. — Ничего-съ, такъ... поперхнулся...

Марья Васильевна. — Вѣрочка, съ ея умомъ и наружностью, можетъ надѣяться на прекрасную партію... Разумѣется, она еще слишкомъ молода, чтобъ самой выбирать; къ тому же и не посмѣетъ... Она во всемъ на меня полагается... *(Петръ Степановичъ слушаетъ, глядя ей въ лицо).* Да вы понимаете?

Петръ Степановичъ. — Понимаю, матушка, понимаю... *(Прислушивается къ бою часовъ)* Разъ... два... три... *(считаетъ)* одинадцать! Одинадцать, когда теперь двѣнадцать! А еще самъ поправлялъ!

Марья Васильевна. — Вы про что толкуете?

Петръ Степановичъ. — Да про часы съ Амуромъ... Помилуйте, никогда не бьютъ впопадъ!

Марья Васильевна. — Тьфу, право!... Какъ вамъ не стыдно!

Платонъ Степановичъ. — Въ самомъ дѣлѣ, братъ... Это... того...

Марья Васильевна. — Не правда ли, Платонъ Степанычъ? Я очень рада, что вы со мной согласны...

Петръ Степановичъ *(женѣ)*. — Не буду, не буду!... Не сердись, голубчикъ; дай ручку!

Марья Васильевна. — Пожалуйста, не перебивайте... На чемъ же я остановилась?... Да! Она очень нравится Николаю Алексѣичу...

Петръ Степановичъ. — Зарновскому?

Марья Васильевна. — А то кому же? Унего отличное мѣсто, начальникъ — нашъ старый знакомый, баронъ Сергѣй Николаичъ Талецкій, который сдѣлаетъ для меня все на свѣтѣ... Я своего зятя съумѣю вывести въ люди! Чѣмъ же Зарновскій не женихъ.

Платонъ Степановичъ. — Хорошій ли онъ человѣкъ, сударыня? Еще нѣтъ двухъ мѣсяцевъ, какъ вы съ нимъ знакомы.

Марья Васильевна. — Такъ что жь? У него очень порядочное жалованье, ну, и на службѣ онъ далеко пойдетъ... Но,

главное, Зарновскій долженъ скоро выиграть процесъ и сдѣлается мильонеромъ.

Платонъ Степановичъ. — Бабушка еще надвое сказала!

Марья Васильевна.—Бабушка или тётушка, а это вѣрно... Дай-богъ, чтобъ дѣло скорѣе кончилось, тогда Вѣрочка во всемъ будетъ обезпечена, да и мы не останемся въ накладѣ... (*мужу*) Сегодня у насъ будетъ Зарновскій, и я могу почти навѣрное разсчитывать на предложеніе... Я васъ попрошу объ одномъ, Петръ Степанычъ: не мѣшайтесь ни во что...

Петръ Степановичъ. — Да я, кажется, и то...

Марья Васильевна. — Я еще не кончила. Если пріѣдетъ баронъ, займите его разговоромъ; вы тамъ на счетъ политики мастеръ... какъ говорятъ; я, впрочемъ, не замѣтила...

Платонъ Степановичъ (*въ сторону*).—Трудно бы и замѣтить!

Марья Васильевна.—Только, сдѣлайте одолженіе, оставьте часы въ покоѣ... Что же до васъ, Платонъ Степанычъ, я, натурально, не имѣю права давать совѣты...

Платонъ Степановичъ. — Ничего-съ, не стѣсняйтесь!

Марья Васильевна. — Благодарю за позволеніе. Мнѣ было бы очень пріятно, еслибъ, до пріѣзда гостей, вы потрудились снять съ вашего сюртука этотъ мѣшокъ.

Платонъ Степанычъ. — Кисетъ?

Марья Васильевна. — Кисетъ, мѣшокъ — все равно.

Платонъ Степановичъ. — Чѣмъ же онъ мѣшаетъ?

Марья Васильевна.—Это... какъ бы вамъ сказать?... мове жанръ!

Платонъ Степановичъ.—Такъ это пофранцузски неприлично, а не порусски? Впрочемъ, коли мове жанръ, такъ спорить нечего...

Марья Васильевна. — Тоже на счетъ куренья... Словомъ, вы бы сдѣлали мнѣ величайшее одолженье...

Платонъ Степановичъ. — Очень хорошо-съ. (*Снимаетъ кисетъ и прячетъ его въ карманъ. Петръ Степановичъ снова принимается за газеты*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Григорій (*въ сѣромъ лакейскомъ полуфракѣ, съ мѣдными пуговицами, мрачный и неуклюжій*).

Григорій (*показывая на сервизъ*). — Убрать?

Марья Васильевна. — Что такое?

Григорій. — Убрать чай?

Марья Васильевна. — Какъ ты смѣешь говорить «убрать»? До сихъ поръ не выучился?... Я тебя спрашиваю. (*Григорій ухмыляется*). Петръ Степанычъ, на что это похоже! Барыня говоритъ, а онъ изволитъ смѣяться!...

Григорій. — Прикажете убрать?

Марья Васильевна. — Убери. Сколько разъ я говорила, чтобъ послѣ двѣнадцати часовъ ты не смѣлъ ходить въ этой мерзкой куртк̀ѣ? а?.. Опять не надѣлъ фрака?

Григорій. — Фальда оторвалась.

Марья Васильевна. — А ты почини. И врешь... Просто, лѣнь.

Григорій (*мрачно*). — Мнѣ что врать-то! Все одно... Вонъ вы изволили намедни приказывать, чтобъ въ перчаткахъ служилъ... Вонъ онѣ, перчатки-то! (*Вынимаетъ изъ кармана нитяную перчатку и надѣваетъ, пальцы проходятъ насквозь*)

Марья Васильевна. — Заштопать!... непремѣнно заштопать!... и вымыть. Наконецъ, что мнѣ за дѣло?...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, Степанида (*выходитъ слѣва, изъ Вѣрочкиной комнаты, съ платкомъ на головѣ и въ бѣломъ передникѣ, и направляется къ среднимъ дверямъ*).

Марья Васильевна. — Это еще что? Степанида! ты съ какой стати здѣсь прогуливаешься?

Степанида. — За стаканчикомъ водицы для Вѣры Петровны иду, барыня.

Марья Васильевна. — Развѣ нѣтъ другаго хода? Опять по гостиной шляешься?... Удивительно хорошо! Гости пріѣдутъ, и вдругъ баба въ платкѣ!

Степанида. — Эхъ, барынька! мнѣ нечего стыдиться!... Не взыщутъ, что въ платкѣ.

Марья Васильевна. — Пожалуйста, безъ разсужденій!... (*Григорію*) А ты чего стоишь? пошелъ вонъ. (*Григорій и Степанида уходятъ. Обращаясь къ Петру Степановичу*) Что у васъ за привычка вѣчно носить эти гадкія туфли? Настоящій помѣщикъ! а туда же о политикѣ разсуждаетъ!... Лучше бы людей-то построже держалъ... Фу ты, Господи! даже жарко стало! Вотъ

такъ день-деньской и маешься! Пойду посмотрю, все-ли въ порядкѣ, да и Вѣрочка что-то долго нейдетъ... А вы извольте надѣть сапоги! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Петръ Степановичъ, Платонъ Степановичъ (*нѣкоторое время смотрятъ другъ на друга молча*).

Петръ Степановичъ. — Ну, что?

Платонъ Степановичъ. — Ничего.

Петръ Степановичъ. — Пронесло грозу!.. Теперь и почитать можно. Кабы успѣть до ея прихода! Нѣтъ, куда!... (*Беретъ газету*). Взгляни-ка, статья какая длинная... А я, братецъ... я откровенно это говорю, замѣть... я люблю, когда эдакъ статья длинная... Совсѣмъ унесешься — потому, первое, взглядъ... ну, потомъ...

Платонъ Степановичъ — Подожди читать-то! брось! Вѣдь тутъ дѣло... тутъ Вѣра! Какъ же, ей такъ и быть за Зарновскимъ?

Петръ Степановичъ. — Не знаю, это какъ жена хочетъ.

Платонъ Степановичъ. — Ну, а ты?

Петръ Степановичъ. — Какъ она положитъ, такъ и будетъ — мать. Зла не пожелаетъ!... А мнѣ... того... мнѣ соваться неловко.

Платонъ Степановичъ. — Отчего?

Петръ Степановичъ. — Не слажу. Не по моей это части... Я... я что? человѣкъ, мужчина... Такъ-ли? Тамъ — женщина. Значитъ, не могу.

Платонъ Степановичъ. — Да какъ же... вѣдь это... Вѣдь, ты понимаешь ли, надо узнать, что онъ такое. Да и потомъ франтиха-то, что у васъ вертится, Данкова... что ли... какъ тамъ ее зовутъ? вѣдь она просто на него зубы точитъ!

Петръ Степановичъ. — Да?

Платонъ Степановичъ. — Еще бы этого не видать!... Такъ за нимъ и гоняется... Ну, оно понятно: замужъ хочетъ. Ей Стожникова-то мало: за Стожникова замужъ не пойдетъ, онъ покамѣсть только должность исправляетъ... Вотъ тутъ и надо бы разсмотрѣть, не завелись ли у ней и съ этимъ шуры да муры. Ты съ женой объ этомъ пораздумай. А то, благо же-

нихъ нашелся, такъ, молъ, и бери, батюшка, сдѣлай одолженіе!... Вѣдь она у васъ одна, успѣете съ рукъ-то сбыть!

Петръ Степановичъ. — А, знаешь, что̀ я думаю?

Платонъ Степановичъ. — Что̀?

Петръ Степановичъ. — Вѣдь я догадался, зачѣмъ... это французы-то войско въ Мексику послали. Вотъ оно куда пошло!

Платонъ Степановичъ. — Тьфу!

Петръ Степановичъ. — Это вопросъ... не послѣдней важности, что ни говори!

Платонъ Степановичъ. — Иди, сапоги надѣнь — будетъ лучше. Иди, иди! Не то жена опять распечетъ. (*Петръ Степановичъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Платонъ Степановичъ. (*Ходитъ, сжимая губы*).—Плохо, плохо! Положимъ, Зарновскій и недурной человѣкъ, а кто его разберетъ? Какъ же Вѣрочка-то? Даромъ, что ей восемнадцать лѣтъ, но она ребёнокъ, совсѣмъ ребёнокъ! Эхъ, Платонъ Степанычъ, дожилъ ты до сѣдыхъ волосъ, а не знаешь, какъ взяться за дѣло! Да и какъ взяться? Голосу у меня нѣтъ, снаровки... «Дядюшка, дядюшка! добрый Платонъ Степанычъ!» ручку свою бѣленькую дастъ поцаловать, ну, и станешь втупикъ!... Разобьетъ она, право, разобьетъ!... еще и расхохочется!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Платонъ Степановичъ, Вѣрочка (*отворивъ дверь, заглядываетъ въ гостиную, потомъ весело вбѣгаетъ*).

Вѣрочка. — Вы одни?... Здравствуйте, милый дядюшка!

Платонъ Степановичъ (*цалуя ее*). — Здравствуй, здравствуй, птичка моя!

Вѣрочка. — Маменька торопила меня одѣваться, а я съ Степанидой заговорилась. Такая славная старушка! насмотрѣться на меня не можетъ...

Платонъ Степановичъ. — О чемъ же ты съ ней говорила?

Вѣрочка. — Вотъ о чемъ... Я видѣла сонъ... и такой странный сонъ, что до сихъ поръ не могу забыть. Хотите, я вамъ разскажу? да?

Платонъ Степановичъ. — Да.

Вѣрочка.—Ну, слушайте... Мнѣ снилось, что я стою съ маменькой на высокой-высокой горѣ... Солнце свѣтитъ, птички поютъ, вокругъ все такъ радостно, такъ хорошо... Травка чуть колышется, васильки мнѣ головками киваютъ... И на сердцѣ такъ привольно сдѣлалось, что я заплакала. Въ самомъ дѣлѣ! Вдругъ голоса мнѣ послышались, я взглянула внизъ... Смотрю, тамъ люди какіе-то толпятся, незнакомые, блѣдные, измученные, точно привидѣнія, смотрятъ на меня, хохочутъ, зовутъ къ-себѣ... Голоса ближе и ближе, я хочу бѣжать... Не могу! Какая-то сила тянетъ къ нимъ... Хочу удержаться, зову на помощь... Маменьки ужь нѣтъ, я одна... Тутъ я проснулась и разсказала свой сонъ Степанидѣ. Она говоритъ, къ перемѣнѣ жизни.

Платонъ Степановичъ. — Можетъ быть, сонъ въ руку.

Вѣрочка. — Что это значитъ, сонъ въ руку?

Платонъ Степановичъ. — Я хочу сказать что, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, будетъ перемѣна.

Вѣрочка. — Какая?

Платонъ Степановичъ. — Мало ли перемѣнъ бываетъ!... Выйдешь замужъ...

Вѣрочка. — А еще?

Платонъ Степановичъ. — Еще!... будетъ перемѣна—вотъ и все!... Что ты пристала!

Вѣрочка. — Дядюшка! извольте смотрѣть мнѣ въ глаза!

Платонъ Степановичъ (*неохотно*). — Ну, смотрю...

Вѣрочка. — Нѣтъ, не такъ, прямѣе!... Вы что-то знаете!

Платонъ Степановичъ. — Ей-богу...

Вѣрочка. — Не божитесь! божиться нехорошо. Я вамъ говорю, что знаете. Былъ разговоръ?... Не отпирайтесь: вы лгать не умѣете!

Платонъ Степановичъ (*съ досадою*). — Былъ... ну да, былъ.

Вѣрочка. — О комъ?

Платонъ Степановичъ. — О... Зарновскомъ.

Вѣрочка. — На счетъ предложенія?

Платонъ Степановичъ. — Да... А развѣ ты знаешь?

Вѣрочка. — Еще бы не знать! дѣвушка всегда знаетъ... что же говорили?

Платонъ Степановичъ. — Такъ... вообще.

Вѣрочка. — Нѣтъ, извольте разсказывать, все по порядку.

Платонъ Степановичъ. — Отъ тебя не уйдешь! только, смотри, никому ни слова? (*Вѣрочка киваетъ головой*). Говорили, что можно согласиться... если процесъ будетъ выигранъ; что сегодня, пожалуй, предложеніе сдѣлаетъ... что лучшаго ничего не надо...

Вѣрочка. — То-то мамаша все твердила, что надо ему отвѣчать... Какъ это отвѣчать?...

Платонъ Степановичъ. — А онъ тебѣ нравится?

Вѣрочка. — Нравится.

Платонъ Степановичъ. — Чѣмъ, наружностью?

Вѣрочка. — Нѣтъ, наружностью не слишкомъ... Впрочемъ, мамаша говоритъ, что лучше не имѣть красиваго мужа... А нравится онъ, вопервыхъ, тѣмъ, что добрый... вовторыхъ, онъ обращается со мною, какъ съ дѣвушкой, съ которой можно говорить не объ однихъ пустякахъ. Еще недавно принесъ мнѣ «Наканунѣ», Тургенева... Мамаша и не знаетъ. Вотъ прелесть-то! Жаль только, что онъ такой серьёзный!

Платонъ Степановичъ. — А онъ говорилъ, что ты ему нравишься?

Вѣрочка. — Это видно по всему. Только когда онъ говоритъ, я чувствую себя передъ нимъ такимъ ребёнкомъ, что даже досадно!... А иногда вдругъ сердце замретъ... и пріятно его слушать, и какъ-то совѣстно вдругъ станетъ!...

Платонъ Степановичъ. — Словомъ, влюблена ты въ него или нѣтъ?... какъ это тамъ, по вашему, говорится, обожаешь его, что ли?

Вѣрочка. — Фи, дядюшка! я не такая институтка, какъ вы думаете. Въ наше время обожаютъ только пятнадцатилѣтнія, да и то своихъ учителей... А влюблена ли въ него — такъ я и сама хорошенько не знаю. Думаю только, что буду съ нимъ счастлива.

Платонъ Степановичъ. — Отчего?

Вѣрочка. — Оттого, что мнѣ будетъ хорошо жить. Онъ станетъ меня нѣжить, лелѣять... Я буду пользоваться свободой... Маменька говоритъ, что замужняя можетъ дѣлать все, что̀ хочетъ.

Платонъ Степановичъ. — Маменька говоритъ!... Нѣтъ, тебѣ еще поучиться надо!

Вѣрочка. — Покорно благодарю! Я и то четыре года пробыла въ институтѣ, — съ тринадцати лѣтъ. Довольно!

Платонъ Степановичъ. — Чему же васъ тамъ учили? интересно знать!

Вѣрочка. — Чему? исторіи, географіи, русской словесности, языкамъ...

Платонъ Степановичъ. — Ты все помнишь?

Вѣрочка. — Теперь немножко позабыла. Хотѣла-было исторію повторить, да времени не было...

Платонъ Степановичъ. — Ну, еще чему?

Вѣрочка. — Танцамъ, рисованью, вышиванью...

Платонъ Степановичъ. — Танцевъ ты не позабудешь... А на счетъ рисованья, такъ я дѣйствительно видѣлъ какого-то кудряваго мальчишку... да и то, я думаю, не ты рисовала.

Вѣрочка. — А вотъ еще недавно я вышила папенькѣ туфли къ имянинамъ...

Платонъ Степановичъ. — И очень скоро: не больше трехъ мѣсяцевъ работала. Жаль, что малы пришлись!

Вѣрочка. — Что жь, по вашему, этого ничего не надо? все вздоръ, пустяки?

Платонъ Степановичъ. — Зачѣмъ пустяки? Только въ жизни не однѣ туфли бываютъ! Ну, хорошо: ты вотъ, черезъ три мѣсяца, можетъ быть, выйдешь замужъ; понимаешь ты, что̀ значитъ быть женщиной, у которой есть мужъ?...

Вѣрочка. — Дядюшка, я не...

Платонъ Степановичъ. — Хорошо. Ты замужемъ; у тебя дѣти. Что жь, ты отъ исторіи такъ къ дѣтямъ и перейдешь?

Вѣрочка. — Дядюшка, развѣ можно... Я заткну уши!

Платонъ Степановичъ. — Удивительная вещь, ей-богу! Досадно, объяснить-то хорошенько не могу! Какъ это четыре года взаперти держать! вѣдь вы тамъ и людей не видали?

Вѣрочка. — По праздникамъ къ намъ пріѣзжали...

Платонъ Степановичъ. — Ну, у васъ и бѣдныя, и богатыя были, всѣ вмѣстѣ?

Вѣрочка. — А то какъ же?

Платонъ Степановичъ. — Значитъ, одна поѣхала домой въ каретѣ съ лакеемъ, а другая пѣшечкомъ поплелась? одну встрѣтили сюрпризы да конфекты, а другая чайкомъ душу отвела!... А вѣдь всѣ равны были, всѣ одинаково учились одному и тому же!... Положимъ, ты вотъ туфли вышиваешь—ну, и слава-богу!

а иная отъ подушечекъ, да сонетокъ, за наволочки и простыни примется!... Хоть бы этого не забыли! Ну, что, небойсь, какъ вышла изъ института, всѣ люди ангелами показались?

Вѣрочка. — Я все хорошихъ людей встрѣчала!

Платонъ Степановичъ. — Однако, одни были же лучше, а другіе хуже?

Вѣрочка. — Еще бы!

Платонъ Степановичъ.—Чѣмъ же? чѣмъ, по-твоему, одни лучше, другіе хуже?

Вѣрочка.—Есть добрые, есть и не такъ добрые... всѣмъ. Да что это вы, дядюшка, сегодня такой ворчунъ? Все не такъ да не по васъ! Вѣдь всему въ три мѣсяца не паучишься.

Платонъ Степановичъ. — Въ три мѣсяца ученье плохое! Да и кто тебя научитъ! Я въ учителя не гожусь, а про другихъ и говорить нечего. Не Степанида же! (*Въ сторону*) Что я заврался, старый болтунъ! Богъ знаетъ, что̀ она подумаетъ!... (*Громко*) Не сердись на дядю!... (*Гладитъ ее по головѣ*) Ты у меня хорошая дѣвушка, добрая, умненькая... Улыбнись, голубушка ты моя!

Вѣрочка (*улыбаясь и цалуя его*).—Вы тоже добрый! я васъ знаю... (*слышенъ звонокъ*) Ай! звонятъ!... Ужь не Зарновскій ли? Ни за что здѣсь не останусь! Такъ стыдно, что ни на что не похоже!... Прощайте, и будьте хорошимъ! поцалуйте меня... (*убѣгаетъ*).

Платонъ Степановичъ. — Добрая душа!... Однако, что̀ я буду здѣсь дѣлать?

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Платонъ Степановичъ, Талецкій, Зарновскій.

Талецкій. — Здравствуйте, здравствуйте, любезнѣйшій Платонъ Степанычъ!... Ну, что? все трубочку покуриваете?... хе, хе, хе! (*треплетъ его по плечу*). Военная косточка! (*Обращаясь къ Зарновскому съ простодушнымъ смѣхомъ*). Imaginez-vous, я самъ когда-то хотѣлъ поступить въ военную службу...

Платонъ Степановичъ. — И вы никогда не изволили служить по нашей части?

Талецкій (*отрывисто*).—Нѣтъ. (*Снова обращаясь къ Зарновскому*). Представьте себѣ, преуморительный вышелъ пас-

сажъ... Это даже я вамъ совѣтую помѣстить гдѣ нибудь въ журналѣ, знаете, этакъ въ числѣ прочихъ типовъ... Съ моимъ отцомъ былъ очень друженъ покойный князь Валерьянъ Сергѣичъ, помните, тотъ самый...

Зарновскій. — Помню.

Талецкій. — Вотъ однажды разговорился онъ съ отцомъ обо мнѣ; а мнѣ пошелъ семнадцатый годъ, я готовился въ юнкера. Только онъ и говоритъ: «что, говоритъ, тебѣ за охота отдавать его во фронтъ — посмотри на его профиль»... Профиль у меня былъ дѣйствительно недуренъ, я и теперь en face гораздо хуже... «Отдай-ка его мнѣ; я по глазамъ вижу, что изъ него выйдетъ отличный администраторъ»... Разумѣется, чего же лучше! Я получилъ скоро штатное мѣсто, а тамъ и пошелъ... Такъ вотъ какой бываетъ случай! Не угадай князь моего призванія, можетъ быть, до сихъ поръ я оставался бы какимъ нибудь капитаномъ!...

Платонъ Степановичъ. — Какъ мы-съ!

Талецкій. — Нѣтъ, это я вообще говорю... Ну, что подѣлываетъ наша красавица?

Платонъ Степановичъ. — Какая красавица-съ?

Талецкій.—Боже мой, mon cher! кому-жь и быть красавицей, какъ не Вѣрѣ Петровнѣ! Я о ней говорю.

Платонъ Степановичъ.—Да-съ. То-то я не понялъ!... Вѣра Петровна, ничего, покорно благодарю. Я сейчасъ скажу...

Зарновскій. — Зачѣмъ же вамъ безпокоиться, Платонъ Степанычъ? Мы подождемъ.

Платонъ Степановичъ.—Нѣтъ-съ, что за безпокойство! я все-таки... Марья Васильевна разсердится. Честь имѣю кланяться. (*Уходя, въ сторону*) Лучше въ своей комнатѣ посижу.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Талецкій, Зарновскій.

Талецкій. — Экой нелюдимъ! ха, ха, ха! точно испугался!...

Зарновскій. — Мнѣ кажется, онъ очень хорошій человѣкъ. Надо сойтись съ нимъ покороче...

Талецкій. — Я съ вами совершенно согласенъ. Вы знаете, Николай Алексѣичъ, я на наружность не смотрю... т. е. въ мужчинѣ. Женщины — дѣло другое! Но все-таки, согласитесь, надо быть человѣкомъ современнымъ... идти, такъ сказать, вслѣдъ за

временемъ. Посмотрите на меня: я человѣкъ... какъ бы это? человѣкъ, доступный вполнѣ; мнѣ нѣтъ дѣла, что онъ тамъ капитанъ или майоръ въ отставкѣ и не получилъ никакого образованія... Я готовъ говорить съ нимъ, какъ съ равнымъ. Ну, и чувствуй это, цѣни...

Зарновскій.—Что онъ несовременный человѣкъ въ вашемъ смыслѣ, за это я ручаюсь.

Талецкій.—Да; въ такихъ людяхъ еще, такъ сказать, рутины много... Чего лучше! возьмите меня въ примѣръ: я понимаю, что въ наше время должно быть либераломъ—ну, я и либералъ. Это — прогресъ.

Зарновскій (*въ сторону*). — Удивительно, какъ иногда самыя честныя слова дѣлаются отвратительными!...

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣже, Марья Васильевна, Петръ Степановичъ, Вѣрочка.

Марья Васильевна. — Я не знала, баронъ, что вы здѣсь! Что-жь это мнѣ не сказали!... Здравствуйте, Николай Алексѣичъ!

Талецкій.—А! вотъ и наша enfant gâté! Я сейчасъ былъ у Рабона и захватилъ для васъ бонбоньерку—совсѣмъ въ новомъ вкусѣ... Посмотрите, нравится? (*даетъ ей бонбоньерку*).

Вѣрочка (*присѣдая*). — Прелестная!

Марья Васильевна. — Вы ее балуете, баронъ!

Талецкій.—Какъ же и не баловать такое сокровище! Но за это я у васъ требую обычной награды... (*съ нѣжностью цалуетъ у Вѣрочки руку. Марьѣ Васильевнѣ*) Предупреждаю васъ, что она скоро всѣмъ вскружитъ головы, если ужь не вскружила!... хе, хе! Charmante, tout-à-fait charmante!

Марья Васильевна. — Ахъ, баронъ! Она ужь слишкомъ много будетъ думать о себѣ! вы ее испортите... Ну, скажите, Николай Алексѣичъ, что̀ вашъ процесъ?

Зарновскій.—На дняхъ долженъ рѣшиться... (*Продолжаютъ говорить тихо*).

Талецкій.—Что̀ подѣлываете, добрѣйшій Петръ Степанычъ? Политикой занимаетесь попрежнему?... О, вы претонкій дипломатъ!

Петръ Степановичъ (*польщенный*). — Нѣтъ-съ... куда

намъ! Такъ себѣ, немножко... (*вспомнивъ*) А вѣдь это совсѣмъ не южане!...

Талецкій.—Что вы говорите?

Петръ Степановичъ. — Побѣду-то одержали... Вышло наоборотъ!

Марья Васильевна. — Петръ Степанычъ!

Петръ Степановичъ. — Все часы проклятые: никакъ не могу добиться...

Марья Васильевна. — Петръ Степанычъ!!

Талецкій. — Э... вы меня извините, я не могу...

Марья Васильевна (*перебивая*). — Давно ли видѣли Наталью Александровну. Она совсѣмъ насъ позабыла. (*Зарновскій подходитъ къ Вѣрочкѣ*).

Талецкій.—Вчера. Хотѣла заѣхать сегодня къ вамъ съ Стожниковымъ. Вѣрно, опять на литературномъ чтеніи...

Зарновскій. — Какъ! Наталья Александровна и туда ѣздитъ?

Талецкій. — Ну, да нельзя же!... Она слѣдитъ за всѣмъ. Слава-богу, настало время, когда и женщины взялись за дѣло! Нѣтъ, вы не того... не смѣйтесь...

Марья Васильевна. — Баронъ правду говоритъ, грѣшно смѣяться! Теперь только и толкуютъ, что объ эманципасіи.

Вѣрочка. — Объ эмансипаціи...

Марья Васильевна. — Ну, да...

Вѣрочка. — А знаете, мамаша, что эта эмансипація мнѣ совсѣмъ не нравится, и потомъ я просто не понимаю...

Марья Васильевна. — Ахъ, Вѣрочка! развѣ такъ можно говорить!... Надъ тобой Сергѣй Николаичъ станетъ смѣяться.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же, Данкова.

Данкова. — Mesdames, je vous salue! Здравствуйте, дядюшка!... Петръ Степанычъ! Какъ я устала! просто ужасъ... Но я не жалѣю. Знаете, гдѣ я была?

Зарновскій. — Да-съ. Намъ Сергѣй Николаичъ говорилъ...

Данкова. — A! bonjour, m-r Зарновскій. (*Даетъ ему руку*). Вѣра Петровна, мы непремѣнно въ слѣдующій разъ поѣдемъ съ вами... en trois! это будетъ чудесно!

Вѣрочка. — Я не знаю, какъ маменька...

Марья Васильевна. — Поѣзжай, поѣзжай, мой ангелъ! Поучись, учиться никогда не мѣшаетъ.

Данкова. — Описывались послѣдніе годы царствованія Лудовика XIV. Великолѣпно! Знаете, этотъ взглядъ... идея самая живая... и примѣненія такія, что... C'est tout simplement sublime!

Талецкій. — Хе, хе, хе! ну, и того... и Ментенонъ тутъ на сценѣ? Монтеспанъ?... хе, хе! Этотъ Louis Quatorze былъ вивёръ! И подробно?

Данкова. — Да, о фаворитках тоже... прекрасно характеръ очерченъ! (*Съ глубокомысленнымъ видомъ*) Но, главное, дядюшка, этотъ блескъ французскаго двора... аристократизмъ, знатность, великолѣпіе!

Петръ Степановичъ. — А... (*Останавливается*).

Данкова. — Что прикажете?

Петръ Степановичъ. — А... этакъ относительно политическихъ соображеній?

Марья Васильевна. — Петръ Степанычъ! Вы опять съ своей политикой!...

Петръ Степановичъ. — Нѣтъ... я такъ, поинтересовался...

Зарновскій. — Я удивляюсь, Наталья Александровна, какъ при вашихъ занятіяхъ, вы еще находите время!

Данкова. — Это правда: я ужасно занята. Ни минуты свободнаго времени! Утромъ, я или съ визитами, или на лекціи, или за покупками. Только что успѣешь отобѣдать, надо въ театръ, на благотворительный концертъ, на спектакль любителей. Тутъ наше обыкновенное общество, notre société... Изъ театра въ маскарадъ, на балъ, а съ бала... иногда устраивается маленькій пикникъ sans gêne... Oh, c' est délicieux! Я раньше пяти часовъ утра не ложусь спать.

Зарновскій. — А еще говорятъ, что женщина слабѣе мужчины. Помилуйте, какой мужчина это выдержитъ!

Марья Васильевна. — Вѣрочка, о чемъ это ты говоришь съ Николаемъ Алексѣичемъ?

Зарновскій. — Я спрашивалъ Вѣру Петровну, читала ли она «Наканунѣ...»

Марья Васильевна. — Наканунѣ чего?

Зарновскій. — Нѣтъ, это повѣсть есть, Тургенева...

Марья Васильевна. — Ну, да... Вѣрочка еще не читаетъ такихъ вещей. Слишкомъ рано! Признаюсь, въ нашей литера-

турѣ все еще какъ-то... Она у меня больше музыкой занимается: всего Россини изучила. Вотъ и теперь разучиваетъ Норму...

Вѣрочка. — Маменька, это Беллини...

Марья Васильевна. — Я и говорю о Беллини... (*тихо*) Что ты перебиваешь! (*Громко*) О, она и музыкой, и рисованьемъ занимается! Еще недавно нарисовала премиленькую головку: мальчикъ съ пуделемъ. Вѣрочка, покажи ее, не конфузься!...

Вѣрочка. — Она у меня въ комнатѣ, мамаша.

Марья Васильевна. — Принеси, принеси, не лѣнись... Наталья Александровна тоже посмотритъ...

Вѣрочка. — Натальѣ Александровнѣ будетъ интереснѣе взглянуть на мою новую шляпку... Хотите?

Данкова. — Покажите, пожалуйста... Это моя страсть!

Вѣрочка. — Только при другихъ мнѣ совѣстно... я принесу ее въ комнату мамаши.

Данкова. — Хорошо. (*Вѣрочка уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, кромѣ Вѣрочки.

Данкова (*тихо Марьѣ Васильевнѣ*). — Правду ли говорятъ, Марья Васильевна, что Зарновскій сватается за вашу дочь?

Марья Васильевна. — Ну, это еще не совсѣмъ десиде-антръ-ну. Впрочемъ, судя по всему, дѣло идетъ на ладъ...

Данкова. — Я такое принимаю участіе въ Вѣрочкѣ, что не знаю, что̀ готова для нея сдѣлать! Vraiment, je me sens tout-à-fait heureuse d' apprendre cette nouvelle!

Марья Васильевна. — Мерси-боку̀, Наталья Александровна! Разумѣется, моя дочь могла бы разсчитывать на лучшую партію, но что жь прикажете дѣлать, когда любовь!... Противъ любви нельзя устоять!

Данкова. — А что, онъ очень влюбленъ?

Марья Васильевна. — Какъ сумасшедшій! (*входитъ Стожниковъ*) А, вотъ и Владиміръ Васильичъ! (*Идетъ къ нему въ глубину сцены*).

Данкова (*въ сторону*). — Дуракъ! влюбленъ!... Охота влюбляться въ институтку!... Видно, нѣтъ глазъ, чтобъ другихъ замѣтить... И вѣдь неприступность какая, даже и не смотритъ, и говорить не хочетъ... Подождите, m-r Зарновскій, я васъ проучу, вы будете меня помнить!...

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, Стожниковъ.

Данкова (*Стожникову тихо*). — Вы гдѣ были?

Стожниковъ (*тоже*). — Знакомый встрѣтился... такъ я къ нему зашёлъ.

Данкова. — Пожалуйста, не притворяйтесь... Знаемъ мы этихъ знакомыхъ!

Стожниковъ. — Увѣряю васъ честью...

Данкова. — Молчите... къ намъ идутъ.

Зарновскій (*подходя къ Стожникову*). — Что подѣлываете, m-r Стожниковъ?

Талецкій. — Ахъ, да!... Вѣдь онъ ко мнѣ поступилъ недавно на службу... и, скажу откровенно, молодой человѣкъ, вы пойдете далеко съ вашими способностями...

Марья Васильевна. — И съ такимъ прекраснымъ начальникомъ!

Талецкій. — Но вѣдь для этого что надо?... надо, чтобъ человѣкъ былъ... такъ сказать, доступный. Больше ничего! А, представьте, подчиненные дѣйствительно не жалуются! Я даже не знаю, отчего!...

Стожниковъ. — Ваше превосходительство извѣстны какъ истинно гуманный начальникъ!

Талецкій. — Да! я, какъ говорится, строгъ, но справедливъ. (*Обращаясь къ Петру Степановичу*) Точно такъ же я отвѣчалъ недавно графу Залѣсскому, въ клубѣ: играли въ ералашъ... я, братъ мой, что былъ губернаторомъ въ Курской губерніи... у него дочь теперь фрейлина... графъ и генерал-майоръ Подкованцевъ. Графъ возьми, да и сдѣлай реноисъ... Партнёръ и спрашиваетъ: какъ, говоритъ, считать или нѣтъ? Другіе молчатъ... ну, все-таки графъ... смотрятъ на меня. А я такъ прямо и сказалъ: я, говорю, строгъ, но справедливъ: надобно считать! Хе, хе, хе!...

Петръ Степановичъ. — Да-съ, оно точно... хе, хе, хе!...

Стожниковъ. — Ахъ, Николай Алексѣичъ, я забылъ вамъ сказать: гражданская палата рѣшила процесъ въ вашу пользу.

Зарновскій. — Слава-богу! я очень радъ.

Стожниковъ. — Разумѣется, если противная сторона подастъ жалобу, то и сенатъ то же самое скажетъ. Вамъ бояться нечего!

Талецкій. — Ну, и потомъ, если дѣло до сената дойдетъ, такъ и мы похлопотать можемъ... Не ударимъ себя, такъ сказать, лицомъ въ грязь. Vous savez, il y a un proverbe...

Марья Васильевна. — Господи, вотъ счастье-то! Какъ же вы, Владиміръ Васильичъ, узнали?

Стожниковъ. — А я видѣлъ сегодня утромъ секретаря палаты, онъ самъ сказывалъ.

Марья Васильевна. — Поздравляю, Николай Алексѣичъ, отъ души поздравляю!

Зарновскій (*улыбаясь*). — Не рано ли, Марья Васильевна? Вѣдь дѣло еще не совсѣмъ кончено...

Марья Васильевна. — Что вы, батюшка! (*Въ полголоса, показывая на Талецкаго*) Коли такой человѣкъ сильный берется хлопотать, такъ ужь, разумѣется, сомнѣваться нечего...

Талецкій (*Зарновскому*). — Э... вы мнѣ разскажите же, въ чемъ собственно... такъ сказать, настоящая суть... (*Зарновскій подходитъ къ Талецкому*).

Марья Васильевна (*тихо мужу*). — Петръ Степанычъ! (*Петръ Степановичъ подходитъ къ ней*) Я устрою такъ, что сегодня же все кончится на счетъ Вѣрочки... Я его сама наведу... Соглашайтесь! сейчасъ соглашайтесь и благословляйте! нечего тутъ по пустякамъ время тратить!

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(*Черезъ три мѣсяца*).

Кабинетъ Зарновскаго. Посреднѣ и сторонамъ двери. Письменный столъ. Кушетка.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Андрей (*убираетъ комнату*). — Вотъ она, жисть-то какая, подумаешь! (*Зѣваетъ*) И поспать хорошенько не удастся! Каждый день ѣзди съ барыней, да оставайся до пяти часовъ ночи. Глазъ не успѣешь сомкнуть, а тутъ за комнаты принимайся, а тамъ на посылки, а тамъ къ маменькѣ забѣги... гости понаѣдутъ, да торчатъ цѣлый день... Эхъ! когда жь это слободнѣе будетъ?...

Обнаковенно все, къ примѣру сказать, измѣнилось... Прежде, бывало, къ барину ходили все люди почтенные, ну, и оказывалъ имъ уваженіе... А понеча, вотъ хоть пріятельница-то новая барынина, Данкова, Наталья Лександровна... какъ баринъ со двора, а она тутъ какъ тутъ: такого фона да трезвона задаетъ, что дымъ коромысломъ пойдетъ... Все шушукаетъ, да пересмѣиваетъ... Эхъ, кабы баринъ узналъ, задалъ бы онъ тебѣ перцу, нелегкая тебя побери совсѣмъ!... Да, ну ее... къ чорту!...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Андрей, Мѣдный (*выходитъ справа, съ картонкой въ рукахъ*).

Андрей. — Вамъ кого?

Мѣдный. — Ихъ высокоблагородіе Николая Алексѣича можно видѣть? Я, по черной лѣстницѣ взобрамшись, никого не встрѣтилъ, потому вошелъ...

Андрей. — У насъ, почтенный, такъ въ комнаты прямо не лѣзутъ.

Мѣдный. — Ничего, любезнѣйшій. Мы, къ слову сказать, хоша и не такую фатеру занимаемъ, за то въ комнаткахъ, по крайности, есть у кого спросить дорогу. Молодцы-то у насъ вышколенные, съ нашимъ почтеніемъ отвѣчаютъ... А не то мы ихъ и на путь направимъ... Такъ какъ таперича мы касательно Николая Алексѣича...

Андрей. — Дома нѣтъ.

Мѣдный. — Уѣхали? давненько-съ?

Андрей. — Съ девяти часовъ.

Мѣдный (*смотря на часы*).—Двѣнадцатый на исходѣ... Полагать должно, скоро прибудутъ. Ну-съ, такъ мы подождемъ. (*Садится*).

Андрей. — Здѣсь нельзя. Въ залѣ подождать можно.

Мѣдный. — Намъ и здѣсь хорошо-съ! (*Смотритъ на Андрея*). — Физіомордія у васъ, почтенный, больно строга! Непроучены, значитъ... Да мы не испужаемся. А слыхали-ль поговорку: по одёжѣ встрѣчаютъ, по карману провожаютъ? (*вынимаетъ пятирублевую ассигнацію*). — Антиресны вы очень, потолкуемъ маленько.

Андрей. — Да я... (*протягивая руку*) — что вашей милости угодно?

Мѣдный (*пряча въ карманъ ассигнацію*).—Торопиться не будемъ. Какъ здоровье Николая Алексѣича? что̀ подѣлываютъ? По порядку разскажите-съ...

Андрей (*совсѣмъ растерявшись*).—Слава-богу; дѣлами только очень заняты.

Мѣдный. — Дѣлами?

Андрей. — Да-съ. Тоже опять на счетъ ихняго процеса: думали, все кончено, анъ вышло не такъ. Богъ вѣсть, когда-то выиграется!...

Мѣдный. — Видно, противники на аппеляцію пошли. Дѣло извѣстное! Значитъ, на мели?

Андрей (*ухмыляясь*).—Не глубоко плаваютъ! Оно, пожалуй, квартира казенная, пара лошадей, кучеръ, поваръ, Степанида старая, прислуга опять... я, то-есть, да горничная... все какъ слѣдуетъ...

Мѣдный. — Жалованье отдаютъ?

Андрей. — Покамѣсть, ничего. Только баринъ иной часъ съ барыней промежъ себя разговоръ ведутъ, оно и до насъ слухъ доходитъ: затрудняются очень. Потому, первое, баронъ Сергѣй Николаичъ на нихъ во всемъ полагаются, заваливаютъ ихъ очень, теперя опять...

Мѣдный.—Знаемъ, знаемъ-съ... А барыня? Стороной слышно было, недавно въ законный бракъ вступили?

Андрей. — Какъ же-съ! Никакъ четвертый мѣсяцъ пошелъ. Барыня ничего. Молода больно, неосновательна... что день, то выѣздъ. Барину оно не совсѣмъ сподручно... Затѣмъ, къ слову сказать... есть у насъ Данкова одна, пріятельница, значитъ... Ну, такъ-таки къ рукамъ ее и прибрали... Оченно большою пользуется извѣстностью... Ну, и по части галантерства тоже опять довольно... Такъ и льнутъ! чтобъ имъ ни дна, ни покрышки!...

Мѣдный.—А что, развѣ?...

Андрей. — Нѣтъ-съ, какъ можно! Подлипалъ-то, довольно... Только нѣтъ.

Мѣдный. — Рядиться любятъ? денежки, чай, таютъ?

Андрей. — Да-съ. Сами знаете: нынче изъ одного платья пять прежнихъ понадѣлаешь... (*Звонокъ*) — Никакъ, баринъ!... Вы здѣсь, что ли, останетесь?

Мѣдный (*встаетъ*).—Да; я поговорю. А вы, любезнѣйшій, покамѣсть примите... (*Даетъ ему ассигнацію*).—Мы еще увидимся...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, Зарновскій.

Зарновскій. — Вѣра Петровна не выходила?

Андрей. — Никакъ нѣтъ-съ.

Зарновскій. — Когда одѣнется, попроси ее сюда.

Андрей. — Слушаю-съ. Вотъ къ вамъ...

Зарновскій (*Мѣдному*). — Что̀ угодно?

Мѣдный (*кланяясь*). — Позвольте, Николай Алексѣичъ, поговорить съ глазу на глазъ.

Зарновскій (*Андрею*). — Ступай (*Андрей уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мѣдный, Зарновскій.

Зарновскій (*не садясь*).—Что̀ вамъ угодно? я васъ слушаю.

Мѣдный.—По подрядамъ-съ. Прохоръ Кузьмичъ Мѣдный. Не безъизвѣстно вашему высокоблагородію...

Зарновскій. — Какъ же! я васъ узналъ. Не разъ видѣлъ у Сергѣя Николаича. Только о подрядѣ вы напрасно хлопочете: я вчера составилъ докладъ о взысканіи съ васъ неустойки по неисполненію обязательства.

Мѣдный (*живо*). — И подписанъ докладъ-съ?

Зарновскій.—Сегодня нѣтъ, но завтра будетъ непремѣнно. Дѣло ясно... Взысканіе немаленькое, но успокойтесь, Прохоръ Кузьмичъ, вы наверстаете на другомъ.

Мѣдный.—Намъ взысканіе что-съ! Мы и за двѣсти тысячъ не постоимъ! Подрядъ, главное! богатѣющая вещь!... А какъ взысканіе будетъ, подрядъ прощай! Мошенникъ компаньонъ оплошалъ, вещей къ сроку не представилъ, а мы и платись своимъ добромъ... Кабы можно отсрочки!...

Зарновскій. — Хорошо, что нельзя! Подрядъ мы отдадимъ другому, и для казны будетъ выгоднѣе.

Мѣдный. — Казнѣ все равно-съ! А вотъ намъ такъ разсчетецъ составитъ. Нельзя ли, батюшка, докладцемъ-то повременить?

Зарновскій. — Зачѣмъ же, когда онъ готовъ?

Мѣдный. — Ужь сдѣлайте такую милость. Для васъ ничего не значитъ, а мы благодарность...

Зарновскій. — Перестаньте, Прохоръ Кузьмичъ! Вы человѣкъ опытный, а до сихъ поръ не распознали, что я взятокъ не беру.

Мѣдный. — Взятка взяткѣ рознь, батюшка.

Зарновскій. — Не всякій же возьметъ!

Мѣдный. — До сихъ поръ брали-съ. Да я съ вами напрямки-съ буду говорить. Ихъ превосходительство Сергѣй Николаичъ взяли съ меня за эвто дѣло пятнадцать тысячъ...

Зарновскій. — Вотъ онъ, либералъ-то! Случая не пропуститъ!... Признаюсь, даже и я этого не ожидалъ!...

Мѣдный. — Да-съ. Слѣдственно, дѣло рѣшоное. Такъ ли, иначе ли, а будетъ наше-съ. Я прибѣгнулъ къ вашему высокоблагородію собственно по той причинѣ, что оно сподручнѣе: начальникъ взялъ, пусть и подчиненный въ накладѣ не останется. Ваше сомнѣніе только затянетъ дѣло-съ. Положимъ, хоть и плохо будетъ, однако супротивъ начальства идти не годится: какъ оно положитъ, такъ и сбудется. Значитъ, только своей выгоды рѣшитесь.

Зарновскій. — Я не Сергѣй Николаичъ!

Мѣдный. — Хорошо, что они такъ не разсуждаютъ! Тогда бы нашему брату жи́тья не было. Если чего другаго не угодно, позвольте, батюшка, хоть вашей супругѣ презентикъ поднести... (*вынимаетъ изъ коробки шаль*).

Зарновскій. — Благодарю васъ; моя жена подарковъ отъ другихъ не принимаетъ.

Мѣдный (*развертывая шаль*).—Взгляньте, сударь, что за платокъ-то! По случаю достался—тысячный! Прямо изъ-заграницы-съ: всего двѣ штуки получилъ. Одну Сергѣй Николаичъ принять соблаговолили, для племянницы-съ, а другую позвольте ужь вамъ...

Зарновскій. — Я не возьму.

Мѣдный. — Сдѣлайте милость, батюшка! Пусть супруга взглянетъ...

Зарновскій. — Ей и смотрѣть нечего. Вы меня извините, у меня дѣла...

Мѣдный. — Не угодно и эвтого принять?

Зарновскій. — Я сказалъ.

Мѣдный. — Дѣлать нѣчего! Прощенья просимъ, батюшка. Извините, что обезпокоилъ... (*Уходя*) А все-таки не мѣшало бы имъ взглянуть...

Зарновскій. — Прощайте.

Мѣдный (*отворяя дверь и высовывая голову*). — Такъ докладъ завтра?

Зарновскій. — Завтра.

Мѣдный (*въ сторону*). — Охъ, ужь эти неподкупные! Не знаешь, съ какой стороны и подойти!... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Зарновскій. — Каковъ мой превосходительный начальникъ! Я, впрочемъ, и прежде про него довольно гадостей узналъ. А послушаешь его, какимъ кажется честнымъ человѣкомъ! Такъ и мечетъ словами: долгъ, честь, совѣсть... Нѣтъ, хорошо бы развязаться съ нимъ теперь! Не хочется мнѣ служить у него — поневолѣ грязью запачкаешься! Вотъ и процесъ—дѣло правое, а, очень можетъ статься, не въ мою пользу рѣшится... Однако, въ часъ я обѣщалъ заѣхать къ повѣренному, надо бумаги приготовить...(*Садится къ столу,беретъ бумаги и задумывается*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Зарновскій, Вѣрочка (*тихонько подходитъ къ нему и цалуетъ его въ голову*).

Вѣрочка. — О чемъ задумался? Все несносныя бумаги!

Зарновскій. — Скучно немножко: тебя давно не видалъ! (*цалуетъ ея руку*) Какая ты сегодня хорошенькая!

Вѣрочка. — Сегодня?

Зарновскій. — Да, потому что съ каждымъ днемъ все хорошѣешь (*придвигаетъ къ столу кресло*). Садись здѣсь, подлѣ меня. Поближе. Ну, весело ли тебѣ вчера было?

Вѣрочка. — Нѣтъ; тебя не было.

Зарновскій (*улыбаясь*). — Зачѣмъ же ты поѣхала?

Вѣрочка. — Я не хотѣла ѣхать; Наталья Александровна упросила.

Зарновскій. — И Стожниковъ, разумѣется, съ вами былъ?

Вѣрочка. — Какъ всегда. Онъ такъ преданъ Натали!

Зарновскій. — Третьяго-дня ты была въ театрѣ?

Вѣрочка. — Третьяго-дня?... постой... да, въ оперѣ съ Данковой. Отчего ты вспомнилъ?

Зарновскій. — Такъ. Кто же сидѣлъ съ вами въ ложѣ?

Вѣрочка. — Баронъ былъ занятъ... Натали просила Стожникова быть нашимъ кавалеромъ. Сегодня и Сергѣй Николаичъ обѣщалъ ѣхать въ дворянское собраніе. А ты поѣдешь?

Зарновскій. — Мнѣ нельзя... я ужь говорилъ тебѣ. Вѣрочка, не ѣзди! останься дома!

Вѣрочка. — У меня платье готово! Мы вмѣстѣ съ Натальей Александровной выбирали. Ты увидишь, какая я буду хорошенькая! Если хочешь, завтра я останусь... ахъ, нѣтъ! завтра нельзя! Отчего ты хочешь, чтобъ я осталась? Не ревнуешь ли?... Какой стыдъ! Извольте отвѣчать сейчасъ... фи, ревнивецъ!

Зарновскій. — Нѣтъ, не ревную. (*Взявъ ее за руку*) Только, скажи мнѣ... что же я такое?

Вѣрочка. — Я тебя не понимаю.

Зарновскій. — Какую роль я играю?

Вѣрочка. — Что ты говоришь о роли? какая тутъ роль?

Зарновскій (*цалуя ея руку*) — Ты меня не совсѣмъ поняла... Видишь ли: когда ты вышла за меня замужъ, я надѣялся сдѣлать тебя счастливою. Теперь обстоятельства перемѣнились; я долженъ трудиться, и трудиться много. Я долженъ подготовить наше будущее... Я не думаю, чтобъ ты когда нибудь упрекнула меня...

Вѣрочка. — Перестань!...

Зарновскій. — Вотъ видишь! Помоги и ты мнѣ! Всѣ очень хорошо знаютъ мое положеніе. Я стараюсь, чтобъ переходъ къ скромной жизни сдѣлался для тебя какъ можно менѣе замѣтенъ. Если я проиграю процесъ, намъ придется жить однимъ жалованьемъ...

Вѣрочка. — Ты думаешь, я боюсь бѣдности?

Зарновскій. — Ты ея не знаешь! Тебя удивительно вели дома: пріучили жить лучше, чѣмъ было можно. Для тебя ничего не жалѣли, оставляли въ блаженномъ невѣдѣніи, и заслонили отъ тебя жизнь.

Вѣрочка. — Что жь ты хочешь этимъ сказать?

Зарновскій. — То, что ты должна же, наконецъ, себя немножко принудить... Не странно ли видѣть, что жена занимается всѣмъ, кромѣ своего мужа? Утромъ ты ѣдешь въ концертъ, вечеромъ на балъ, завтра въ театръ, послѣ-завтра на раутъ... и все безъ мужа! Поневолѣ, всякій спроситъ, что жь этотъ мужъ— только призракъ мужа или мужъ своей жены?...

Вѣрочка. — А! теперь я понимаю: въ тебѣ говоритъ самолюбіе!

Зарновскій. — Совсѣмъ не самолюбіе! Ты не хочешь со мною согласиться только оттого, что не рѣшаешься разстаться съ прежними... какъ бы ихъ назвать? съ прежними предразсудками. Въ тебѣ еще не довольно боли! Да и наконецъ, мнѣ просто скучно...

Вѣрочка (*улыбаясь*). — Это я допускаю...

Зарновскій. — Неужели ты думаешь, что то общество, въ которомъ ты живешь, имѣетъ право чего нибудь отъ тебя требовать? Приносить жертву безъ цѣли—безразсудно!

Вѣрочка. — А!... ты говоришь о нашемъ обществѣ, или, лучше, о моихъ знакомыхъ... Я знаю, кто тебѣ не по душѣ; вѣрно, Стожниковъ?

Зарновскій. — Не онъ одинъ! Да возьмемъ хоть его: что̀ это за человѣкъ? Это даже не человѣкъ!

Вѣрочка.—Какъ тебѣ не стыдно! онъ такъ занимается, слѣдитъ за всѣмъ... Послушалъ бы ты, какъ онъ разсуждаетъ!...

Зарновскій. — Стожниковъ — одна изъ безчисленныхъ фотографій очень извѣстнаго оригинала. Такихъ господъ развелось безъ счета. У нихъ все чужое, начиная съ фрака, взятаго въ долгъ у портнаго, и кончая убѣжденіями. Стожниковъ ползетъ за вѣкомъ: сегодня онъ ревностный чиновникъ, завтра бойкій реформаторъ, пылкій студентъ, отчаянный нигилистъ... Дунулъ вѣтеръ въ другую сторону — и всего этого какъ не бывало! Нашъ Стожниковъ—скромненькій юноша, цалуетъ ручки у вліятельныхъ старушекъ и распинается передъ сіятельными особами. Но вотъ, что̀ скверно: онъ нетолько тупъ и ничтоженъ — онъ просто гадокъ! Онъ готовъ вынести всевозможную скуку, чтобъ просидѣть въ углу гостиной порядочной женщины, о которой потомъ, въ кругу товарищей, будетъ отзываться съ самыми плоскими комментаріями... При другихъ онъ будетъ шептать тебѣ о погодѣ, а за глаза говорить, что ты ему объяснялась въ любви... О, я хорошо знаю этихъ дамскихъ приживалокъ!—Впрочемъ, къ чему тутъ горячиться!... Стоитъ ли онъ!... Я думаю, что ты сама...

Вѣрочка. — Ахъ, кстати!... Скажи, пожалуйста, что̀ такое нигилистъ?

Зарновскій. — Такъ-то ты меня слушала!...

Вѣрочка. — Слушала, ей-богу слушала!... А ты все-таки отвѣчай... Мнѣ надо знать.

Зарновскій. — Боже мой!... Ну... нигилистъ—такой человѣкъ, который сразу всему не повѣритъ, какъ ты! Да не о томъ рѣчь!... Я говорилъ о Стожниковѣ...

Вѣрочка. — Но развѣ я виновата, что бываю съ нимъ вмѣстѣ? Онъ ѣздитъ съ Данковой, и она, вѣроятно, увѣрена, что онъ порядочный человѣкъ...

Зарновскій. — А ты знаешь, что̀ она такое?

Вѣрочка. — Она—добрая, милая женщина...

Зарновскій. — Если хочешь знать правду, съ ней даже совѣстно кланяться.

Вѣрочка. — Ты шутишь?

Зарновскій. — Нисколько. Я не знаю, кто былъ ея мужъ, но онъ очень хорошо сдѣлалъ, что умеръ. Для чего она старается быть съ тобой такъ дружна, для чего ни на шагъ не отстаетъ отъ тебя, навязываетъ тебѣ свои приглашенія въ театръ, на балы, въ концерты? Для того, чтобъ могли сказать, что она еще знакома съ честными женщинами! Ты играешь для нея роль ширмъ, которыми она прикрываетъ свое домашнее безобразіе. Такихъ женщинъ можно знать, но съ ними нельзя быть знакомымъ. Я ужъ сколько разъ тебѣ говорилъ: маменька пусть съ кѣмъ хочетъ знается, а о приличіяхъ тутъ не можетъ быть и рѣчи... Пора же, наконецъ, это кончить!

Вѣрочка. — Однако, я не думаю, чтобъ Талецкій позволилъ своей племянницѣ...

Зарновскій. — Вотъ ты кстати мнѣ напомнила о Талецкомъ: еще одинъ портретъ изъ коллекціи современностей. Ты слышала, какъ онъ говоритъ о честности и долгѣ? вѣдь хорошо, не правда ли? и со слезами на глазахъ?...

Вѣрочка. — Онъ говоритъ, что̀ чувствуетъ.

Зарновскій. — Именно: онъ вчера взялъ взятку въ пятнадцать тысячъ.

Вѣрочка. — Каково, однако!... А вѣдь самъ недавно разсказывалъ, какъ выгналъ одного чиновника, который бралъ взятки!...

Зарновскій. — Да! это случается сплошь да рядомъ!... Тоже своего рода система!... Въ наше время отсталыхъ людей нѣтъ—все либералы. Свѣжій воздухъ повѣялъ, передъ нимъ надо согнуться. Талецкій—либералъ, и составилъ этимъ хорошее мнѣ-

ніе о себѣ. А тихонько дѣлай, что̀ хочешь! Чтобъ Талецкій бралъ взятки, какъ это можно! а онъ и беретъ. Каковъ съ подчиненными? Отличный начальникъ: за руку возьметъ, посадитъ, пошутитъ, сигару, пожалуй, предложитъ... а попробуй сказать, что какой нибудь Прохоръ Кузьмичъ виноватъ и его слѣдуетъ подъ судъ отдать, такъ онъ самаго подъ судъ упрячетъ. Вотъ онъ каковъ!

Вѣрочка (*смѣясь*). — Вотъ ты про другихъ говоришь... Ну, а про себя ты ничего не скажешь?...

Зарновскій. — Скажу и про себя. Только... (*смотря на часы*) я такъ заговорился, что чуть не опоздалъ... Прощай, я бѣгу!

Вѣрочка. — Прощай. Но прежде скажи мнѣ двѣ вещи — въ двухъ словахъ...

Зарновскій (*приготовляясь идти*). — Какія?

Вѣрочка. — Вопервыхъ: добрый ты или злой?

Зарновскій. — Я бываю золъ, когда сердце не можетъ угомониться, и добръ, когда смотрю на тебя.

Вѣрочка. — Хорошо. Теперь второе...

Зарновскій. — Что̀ же? говори скорѣй!

Вѣрочка. — Отчего ты на мнѣ женился?

Зарновскій. — Оттого, что ты — примиреніе... Прощай! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Вѣрочка (*задумавшись*). — Примиреніе!... Что̀ онъ хотѣлъ сказать? Надо разспросить его хорошенько... Только нѣтъ! Такія минуты рѣдко бываютъ, да и то онъ не весь высказывается... Какъ онъ все горячо къ сердцу принимаетъ! Съ виду такой тихій, хладнокровный... а заглянешь глубже — и увидишь совсѣмъ не то... Что̀ онъ мнѣ насказалъ про нихъ! Можетъ быть, это только кажется ему; можетъ быть, онъ ошибается?... Однако, нехорошо тому придется, кого онъ не полюбитъ: тому пощады не будетъ!...

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Вѣрочка, Марья Васильевна, потомъ Мѣдный и Андрей.

Марья Васильевна (*входитъ*). — Ты ужь готова, Вѣрочка?... Я боялась, какъ бы не опоздать въ концертъ... Наталья Алек-

сандровна ужь тамъ... (*Мѣдный потихоньку растворяетъ дверь и входитъ. Андрей за нимъ*).

Андрей (*тихо Мѣдному*).—Теперь можно! Вотъ барыня.

Мѣдный (*тихо*). — Съ ними еще кто-то?...

Андрей (*тихо*).—Это ихъ маменька. Тѣмъ лучше для васъ...

Мѣдный (*тихо*). — Хорошо, почтенный. Заходите ко мнѣ ужо... (*Андрей уходитъ. Громко*) Позвольте, матушка-сударыня, съ вами два словечка перемолвить.

Вѣрочка. — Что вамъ угодно?... мужа моего нѣтъ дома...

Мѣдный. — Это ничего-съ. Первой гильдіи-съ купецъ, Прохоръ Кузьмичъ Мѣдный. Съ измалѣтства торговлей занимаемся. Весьма желательно было бы вамъ, сударыня, маленькій презентикъ представить (*вынимаетъ изъ картонки шаль*)... Не погнушайтесь, матушка: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Вѣрочка. — Ахъ, какая шаль!

Мѣдный (*кланяясь*). — Оченно благодаренъ, сударыня! Шаль хорошая-съ! Отъ полноты души и избытка чувствъ... Я такое, можно сказать, уваженіе къ ихъ высокоблагородію Николаю Алексѣичу и всему ихнему семейству питаю, что готовъ жертвовать чѣмъ только могу!

Вѣрочка. — Какъ же это, право?... Вы хотите, чтобъ я взяла шаль?

Мѣдный. — Величайшее одолженіе, матушка, окажете, обяжете на вѣки вѣковъ... Да не угодно ли, сударыня, примѣрить? И платьице очень кстати подходитъ... прекрасный будетъ видъ!

Вѣрочка (*въ смущеніи*). — Но я не знаю, какъ же безъ Николая Алексѣича...

Мѣдный. — Объ этомъ, сударыня, не безпокойтесь! Позвольте, я помогу примѣрить-съ... (*помогаетъ ей надѣть шаль*) Прекрасное одѣяніе! совсѣмъ величественно выходитъ...

Марья Васильевна (*тихо Вѣрочкѣ*). — Я догадываюсь!... Молодецъ твой мужъ, Вѣрочка! а вѣдь такимъ скромненькимъ прикидывался... ха, ха, ха!... Молодецъ, нечего сказать! люблю такихъ!

Вѣрочка. — Я, maman, не знаю, чему вы смѣетесь?... Во-первыхъ, эта шаль не моя, я только примѣрила...

Марья Васильевна. — Да, да, именно примѣрила! Нечего и толковать, она очень идетъ къ тебѣ. Ѣдемъ, намъ пора!

Вѣрочка. — Мнѣ надо переодѣться. Къ тому же, Коля ничего не знаетъ; пожалуй, разсердится...

Марья Васильевна. — Какая ты скрытная, Вѣрочка! Я не думала, что ты станешь хитрить! Разумѣется, твой мужъ очень хорошо знаетъ, ради чего дѣлается такой подарокъ... Меня обманывать нечего!

Вѣрочка. — Я не понимаю...

Марья Васильевна. — Перестань, перестань! Очень благодарна вамъ за мою дочь, Кузьма Иванычъ.

Мѣдный (*кланяясь*). — Прохоръ Кузьмичъ!

Марья Васильевна. — Прохоръ Кузьмичъ, прошу и впередъ любить да жаловать.

Мѣдный. — Завсегда съ нашимъ удовольствіемъ... буду очень польщенъ-съ. А теперь позвольте мнѣ пожелать вамъ всякаго здоровья... дѣла не терпятъ-съ.

Марья Васильевна. — Прощайте, Кузьма Иванычъ, прощайте!

Вѣрочка. — Маменька, я, право, не знаю, какъ мнѣ быть...

Марья Васильевна. — Полно, пожалуйста! излишняя деликатность совсѣмъ неумѣстна. Ты видишь, мать тебѣ говоритъ: бери, ну, и бери! что тутъ много разсуждать!... Такъ до свиданія, добрѣйшій Кузьма Иванычъ!

Мѣдный (*кланяясь*). — Прохоръ Кузьмичъ. Если вашей милости что̀ понадобится, такъ мы всегда съ нашимъ удовольствіемъ... а на счетъ уплаты не извольте безпокоиться, хоть цѣлый вѣкъ готовъ ждать. Прощенія просимъ, государыни мои! (*Уходитъ*)

Марья Васильевна. — Сейчасъ видно, что прямой человѣкъ: совсѣмъ на чистоту дѣйствуетъ! Поздравляю тебя, голубушка моя, съ первою обновкой; дай-богъ побольше! Шаль очень кстати подоспѣла: вы съ Натальей Александровной всѣхъ поразите. У ней точно такая... Однако, мы разболтались; ѣдемъ, Вѣрочка!..

Вѣрочка. — Пожалуй...

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Вѣрочка, Марья Васильевна, Зарновскій.

Зарновскій. — Какая досада! опять дома не засталъ... А, маменька!

Марья Васильевна. — Только на минуту заѣхала за Вѣрой; мы сейчасъ отправляемся вмѣстѣ.

Зарновскій. — Куда?

Марья Васильевна. — Въ концертъ — въ пользу бѣдныхъ...

Зарновскій. — Бѣдные! все на нихъ сваливаютъ!

Марья Васильевна (*Зарновскому*). — Прощайте, голубчикъ! (*Тихо*) Я вами сегодня очень-очень довольна... И хитрецъ какой! ни слова не скажетъ!

Зарновскій. — Что̀ такое?

Вѣрочка. — Прощай, Коля.

Зарновскій. — Прощай. Ужь если надо ѣхать, такъ пріѣзжай, по крайней мѣрѣ, назадъ поскорѣй. Ей-богу, скучно!

Вѣрочка. — Скоро вернусь, не безпокойся (*направляются къ дверямъ*).

Зарновскій (*смотря ей вслѣдъ*). — Что бы остаться дома!... Нѣтъ, все съ толку сбиваютъ!... Это что̀?... Да, да!... Вѣра!

Вѣрочка (*у дверей*). — Что̀?

Зарновскій. — Поди сюда... Откуда это у тебя?

Вѣрочка (*въ смущеніи*). — Это... купецъ какой-то приносилъ...

Зарновскій. — И ты взяла? Сколько же ты заплатила?... Извините, Марья Васильевна, Вѣрочка не можетъ ѣхать въ этомъ туалетѣ; ей надо переодѣться...

Марья Васильевна. — И сто̀итъ изъ-за такихъ пустяковъ исторію начинать! Перестаньте, пожалуйста!... Вѣрочка, не слушай его.

Зарновскій. — Она не поѣдетъ.

Марья Васильевна (*въ полголоса, уходя*). — Тиранъ!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Зарновскій, Вѣрочка, потомъ Андрей.

Зарновскій. — Сними, пожалуйста... (*Звонитъ. Андрей входитъ*) Какъ здѣсь очутился давишній купецъ? онъ ушелъ при мнѣ.

Андрей. — Не могу знать... Вѣрно, по черной лѣстницѣ...

Зарновскій. — Хорошо. Возьми, заверни эту шаль и сейчасъ же отнеси къ нему: адресъ ты, я думаю, знаешь?

Андрей. — Помилуйте, Николай Алексѣичъ... я...

Зарновскій. — Иди. (*Андрей уходитъ*).

Вѣрочка. — Коля, не сердись на меня!...

Зарновскій. — Я сержусь не на тебя. Но, скажи мнѣ, сколь-

ко, ты думаешь, мы можемъ проживать въ годъ денегъ, не входя въ долги?

Вѣрочка. — Не знаю.

Зарновскій. — Тысячи три-четыре, не больше. Что же подумаютъ другіе, когда вдругъ увидятъ, что у тебя явилась тысячная шаль: что твой мужъ или плутъ, или...

Вѣрочка. — Теперь я вижу, какъ я глупо поступила! но я не знала...

Зарновскій. — Есть вещи, которыхъ нельзя не знать!

Вѣрочка (*со слезами на глазахъ*). — Могу тебя увѣрить, что этого больше не случится... Я просто въ отчаяніи...

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, Платонъ Степановичъ.

Платонъ Степановичъ. — Здравствуйте, молодые люди! Я къ вамъ на цѣлый день, коли примете... Э, да что жь вы по разнымъ угламъ сидите! развѣ такъ водится? Вѣра Петровна! Что вы головку опустили? и глазки покраснѣли!... Ужь не собралась ли туча, чего добраго, и до грозы недалеко?... Николай Алексѣичъ, Марья Васильевна была?

Зарновскій. — Была.

Платонъ Степановичъ. — Гм!... ну, что же?

Вѣрочка. — Ничего, дядюшка... Это совсѣмъ не маменька!... (*снова принимается плакать*).

Платонъ Степановичъ. — Если не маменька, такъ ничего... Иногда поплакать полезно бываетъ... Знаете что, Николай Алексѣичъ: я, признаться, пришелъ потолковать кое о чемъ съ Вѣрочкой... Да вѣдь при васъ она не станетъ, а?... Все еще церемониться любитъ... Ну, да у насъ съ ней свои секреты, вамъ ихъ не надо знать... Такъ вы, голубчикъ, распорядились бы тамъ этакъ на счетъ закусочки, я кстати и проголодался съ дороги...

Зарновскій. — Хорошо, Платонъ Степанычъ, приходите поскорѣй въ столовую... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Вѣрочка и Платонъ Степановичъ.

Платонъ Степановичъ. — Дома что-то немножко взгрустнулось... Дай, думаю, проведу съ ней денёкъ, припомнимъ старое, а кстати поговоримъ, какъ и что теперь.

Вѣрочка. — Ахъ, дядюшка! еслибы вы знали...

Платонъ Степановичъ. — Что, поссорились? Подожди, ты мнѣ не разсказывай. Это пустяки, я сейчасъ вижу... Мнѣ только одно: кто изъ васъ виноватъ?

Вѣрочка. — Виновата, пожалуй, я... впрочемъ я, ей-богу, не знала!... только зачѣмъ же такъ сердиться!

Платонъ Степановичъ. — Сказалъ что нибудь грубое?

Вѣрочка. — Нѣтъ... Видите ли, я...

Платонъ Степановичъ. — Ну, и кончено! И въ сторону это. Теперь слушай: какъ ты вышла замужъ, я тебя почти не видалъ. Пріѣдешь къ маменькѣ на минуту, повернешься и—маршъ! Благо, добрый часъ пришелъ; что ты дѣлала?

Вѣрочка. — Что дѣлала? ничего, дядюшка.

Платонъ Степановичъ. — То-есть, какъ однако ничего? Все же что нибудь дѣлала... хозяйствомъ занималась, что ли?...

Вѣрочка. — Вотъ охота! На это Степанида есть, люди... Маменька говоритъ, что молодой женщинѣ надо пользоваться жизнью, а не быть чѣмъ-то въ родѣ экономки.

Платонъ Степановичъ. — Вопервыхъ, мое разсужденіе такое, что заниматься хозяйствомъ и быть экономкой — двѣ вещи разныя. А потомъ, что это у тебя за привычка вѣчно на маменьку ссылаться!... Въ дѣвушкахъ оно, положимъ, куда ни шло, а замужней женщинѣ не годится. Ты этакъ, чего добраго, и при мужѣ брякнешь! Живи своимъ умомъ.

Вѣрочка. — Легко сказать!

Платонъ Степановичъ. — Ну, мужа спроси. На то онъ мужъ. Посмотрѣла бы ты, какъ у насъ полковыя дамы хозяйствомъ распоряжались!... Любо, да и только! Батальйоннымъ командиромъ былъ мой закадышный дружище, Александръ Михайлычъ Нелюбинъ. Теперь вышелъ въ отставку, завелъ пріиски въ Сибири, разбогатѣлъ страшно... это, что называется, человѣкъ настоящій! Такъ вотъ онъ, передъ кампаніею-то, женился на такой же молоденькой, какъ ты. Все горѣло у ней въ рукахъ! Не говорила, что за охота хозяйствомъ заниматься: вѣрно, не изъ ученыхъ была! Придешь этакъ къ ней, послѣ форсированнаго марша, она и водочки тебѣ предложитъ, и салфетку достанетъ, и колбасой запасется, и трубочка готова... Да какая бойкая была, говорунья, веселая! Съ мужемъ душа въ душу жила, да и теперь такъ же живетъ... Вотъ оно какъ по на-

стоящему-то бываетъ! Коли ты хозяйствомъ не занимаешься, такъ работаешь?

Вѣрочка. — Нѣтъ времени, дядюшка...

Платонъ Степановичъ. — Балы да вечера?... Понимаю. Ты и похудѣла что-то... Ну, съ тобой я покончилъ. Остается другая сторона. Каковъ онъ?

Вѣрочка. — Я жаловаться не могу.

Платонъ Степановичъ. — Не гуляетъ?

Вѣрочка. — Нѣтъ, дядюшка... Больше все одна выѣзжаю. Онъ занятъ...

Платонъ Степановичъ. — Я совсѣмъ не въ томъ смыслѣ!.. А одной выѣзжать не годится.

Вѣрочка. — Онъ мнѣ и то сейчасъ говорилъ...

Платонъ Степановичъ. — Вотъ видишь!... Значитъ, недоволенъ. А онъ человѣкъ съ виду неглупый: можно повѣрить. Нѣтъ, ты, Вѣрочка, слушайся его, не раздражай... Вѣдь онъ тебя любитъ?

Вѣрочка. — Любитъ.

Платонъ Степановичъ. — А ты?

Вѣрочка. — И я его люблю... только все какъ-то странно: какъ будто между нами что-то не договорено, а что—я не знаю. Говоритъ онъ какъ-то особенно, хочетъ, чтобъ я понимала... Трудно мнѣ, дядюшка милый, очень трудно!... Такъ посмотришь, все кажется хорошо, а начнете меня разспрашивать, я и вижу, что дѣло не ладится; но не умѣю я на ладъ его направить! Сердце иногда вдругъ начнетъ стонать, и тоскуетъ, тоскуетъ... къ глазамъ слезы подступаютъ, страшно становится... Точно призраки кругомъ обступаютъ! Отчего это?

Платонъ Степановичъ. — Гм!... Странно очень! Ты думай больше... такъ жить не приходится! Мало ты съ нимъ, видно, высказываешься. Оттого и отвѣта тебѣ прямаго нѣтъ! Это струна твоя затрогивается, только ты ее и сама еще хорошенько не разобрала... А струна въ тебѣ есть, найди ее!

Вѣрочка. — Не знаю, какъ быть, дядюшка!...

Платонъ Степановичъ. — А мужа твоего я посмотрю, поговорю съ нимъ... Успокойся, все хорошо будетъ! Пойду къ нему, а послѣ и ты приходи, помирись... Ничего, что трудно! Значитъ, жизнь немножко понахлынула!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(*Черезъ двѣ недѣли*).

Гостиная въ домѣ Зарновскихъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Вѣрочка, Марья Васильевна и Данкова (*входятъ*).

Марья Васильевна. — Опять что-то блѣдна! Ну, скажи намилость, на что это похоже? ты совсѣмъ не бережешь себя!

Вѣрочка. — Нездоровится немножко...

Марья Васильевна. — Неправда, неправда! Развѣ ты забыла, о чемъ мы на дняхъ говорили?... Сама же призналась, что живешь совсѣмъ не такъ, какъ можешь жить... Мужъ богъ-знаетъ что̀ станетъ требовать, а жена и покоряйся... Нѣтъ, нынѣче времена другія!... Послушай, Вѣрочка, я нарочно пріѣхала объясниться съ нимъ... Но, прежде всего, разскажи мнѣ подробно все, что̀ тебя печалитъ и тревожитъ...

Вѣрочка. — Право, маменька, не знаю... Къ тому же, Натальѣ Александровнѣ неинтересно...

Данкова. — Напротивъ, я даже сама на это вызвалась!... Позвольте вамъ дать нѣсколько совѣтовъ. Здѣсь также мой собственный интересъ; я, какъ женщина, защищаю наши права... О, мужчины! Я бы хотѣла, чтобъ не было ни одного мужчины!...

Марья Васильевна. — Ну, нѣтъ, зачѣмъ же!... Впрочемъ, дѣло не въ томъ. (*Вѣрочкѣ*) Ты замужемъ только четыре мѣсяца, а ужь начала тосковать, худѣть... Всѣ платья даже широки стали! Во всемъ измѣнилась, скучная какая-то сдѣлалась!... А кто виноватъ, какъ не мужъ?

Вѣрочка. — Зачѣмъ же обвинять его?

Марья Васильевна. — Мнѣ пріятно, что ты его защищаешь, милая Вѣрочка... (*цалуетъ ее*) но все-таки дѣло совершенно ясно. Я уже сообщила свои мысли Петру Степанычу, который сегодня же пріѣдетъ и переговоритъ... Одной какъ-то неловко! Богъ-знаетъ еще какой онъ человѣкъ. А мужьямъ только дай волю, они и пойдутъ.

Данкова. — Мужчины — эгоисты, нечего и говорить. Мой

покойный мужъ былъ такой эгоистъ, что просто — ужасъ! C'est incroyable!...

Марья Васильевна. — Вре, тутафе вре!... Наталья Александровна очень много испытала въ жизни!... Я, Вѣрочка, вполнѣ понимаю твое безотрадное положеніе, но что жь дѣлать! Надо покориться волѣ божіей! Обними меня, мой другъ! (*быстро отирая платкомъ глаза*) Теперь разсказывай все по порядку... Ну?

Вѣрочка. — Ахъ, маменька, это очень трудно!... Я не могу на него жаловаться, хотя иногда...

Марья Васильевна. — Ну, ну! что иногда?... Вѣрочка, перестань конфузиться!

Вѣрочка. — Хотя иногда мнѣ кажется, что мы не вполнѣ понимаемъ другъ друга...

Марья Васильевна. — Еще бы ты хотѣла, чтобъ онъ тебя понималъ!... Твой мужъ до сихъ поръ смотритъ на тебя, какъ на ребёнка, чего добраго, выговоры дѣлаетъ?

Вѣрочка. — Очень рѣдко, маменька... Онъ очень снисходителенъ!...

Марья Васильевна. — Но я все-таки хотѣла бы знать, въ чемъ же упрекаетъ тебя этотъ варваръ?

Вѣрочка. — Онъ, напримѣръ, недоволенъ нѣкоторыми изъ моихъ знакомствъ...

Данкова. — Какими же? скажите, пожалуйста, Вѣра Петровна. Я увѣрена, что и на мою долю досталось?... Я никогда не пользовалась особеннымъ расположеніемъ m-r Зарновскаго. Онъ говорилъ и обо мнѣ? Душечка, Вѣра Петровна, скажите!

Вѣрочка. — Нѣтъ, почти ничего...

Данкова. — Однако, значитъ, говорилъ?

Вѣрочка. — Ему не нравится ваше пристрастіе къ свѣтскимъ удовольствіямъ.

Данкова. — То-есть, попросту сказать, моя вѣтреность?

Вѣрочка. — Пожалуй, и такъ... Только, ради-бога, не сердитесь на него, не давайте ему замѣтить...

Данкова. — Помилуйте, съ какой стати! (*въ сторону*) Какова дерзость!...

Вѣрочка — Въ самомъ дѣлѣ, кажется, я напрасно сказала... Вотъ теперь вы его бранить станете...

Марья Васильевна. — И подѣломъ! ты ему не игрушка досталась! Все отъ слабости характера...

Вѣрочка. — Платонъ Степанычъ тоже говоритъ...

Марья Васильевна. — А съ какой стати ты повѣряешь ему свои тайны?

Вѣрочка. — У меня нѣтъ особенныхъ тайнъ, но мы иногда съ нимъ разсуждаемъ...

Данкова. — Ха, ха, ха! Какъ вы наивны, Вѣра Петровна! Неужели этотъ старый... извините, пожалуйста, я не могла удержаться... неужели этотъ добрый старичокъ вмѣшивается въ разговоры о любви, семейной жизни и тому подобномъ?... Ха, ха, ха! C'est magnifique!

Марья Васильевна. — Просто маньификъ! Его дѣло — сидѣть въ своей комнатѣ и курить трубку, а не соваться въ чужія дѣла!... Онъ даже совсѣмъ не такъ добръ, какъ кажется. Цѣлый день ворчитъ, смѣется надъ твоею матерью... Богъ ему судья! Я не въ претензіи, но все-таки онъ грубіянъ и больше ничего!

Вѣрочка. — Я, признаться, иногда сама не совсѣмъ ему вѣрю; потому что гдѣ же, наконецъ, онъ могъ все узнать и испытать?...

Марья Васильевна.—Ну, да, разумѣется!... Мой искренній совѣтъ: съ Платономъ Степанычемъ не разсуждай, а мужу не поддавайся.

Вѣрочка. — Но какъ это сдѣлать?...

Данкова.—Ахъ, ma chère! вы женщина, и этого довольно... Nous en parlerons après... *(въ сторону)* И моя очередь пришла позабавиться надъ вами, m-r Зарновскій!

Марья Васильевна. — Теперь, главное ты поняла... Остальное разскажетъ Наталья Александровна. Чѣмъ скорѣе приступишь къ дѣлу, тѣмъ лучше. Такой ангелъ, какъ ты, поневолѣ заставитъ себя любить! *(обнимаетъ ее)* Помни мои слова и прощай! Ѣду за Петромъ Степанычемъ... *(Данковой)* Вы еще поговорите съ ней?

Данкова. — Да, мы побесѣдуемъ... *(Вѣрочкѣ)* Не такъ ли?

Вѣрочка. — Съ удовольствіемъ.

Марья Васильевна. — А я сейчасъ вернусь... *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Вѣрочка, Данкова.

Данкова. — Нѣтъ, Вѣра Петровна, вы не умѣете съ нимъ обращаться! Не выказывайте ему, по временамъ, любви... Онъ,

положимъ, пришелъ — притворитесь, что сердитесь, отвѣчайте: да и нѣтъ... Можно покапризничать, помучить его хорошенько... Онъ начнетъ за вами ухаживать, цаловать ваши руки, станетъ на колѣни... Онъ часто становится на колѣни?

Вѣрочка — Нѣтъ.

Данкова — Ну, можно ли!... Скажите: я хочу — и кончено! А если и это не поможетъ, уйдите изъ комнаты, хлопните дверью, запритесь въ спальню и не пускайте его къ себѣ. Это— самое рѣшительное средство! Оно мнѣ всегда удавалось съ покойнымъ мужемъ.

Вѣрочка. — Однако, рѣшиться на это...

Данкова. — Вы увидите, какимъ онъ тихенькимъ придетъ на другой день: какъ шелковый станетъ... Это все вещи извѣстныя! Впрочемъ, знаете, когда вашъ мужъ можетъ быть вполнѣ у васъ въ рукахъ?

Вѣрочка. — Когда?

Данкова. — Когда вы станете кокетничать съ другими. Заставьте себя бояться, пусть онъ ревнуетъ; увидите, что̀ будетъ. Всѣ мужчины на одинъ покрой!

Вѣрочка. — Но вѣдь это опасно?

Данкова — Перестаньте! Для вашей же пользы!...

Вѣрочка. — Но какъ кокетничать? я совсѣмъ не умѣю...

Данкова. — Попробуйте! умѣнья всегда станетъ.

Вѣрочка. — Хорошо ли? Что̀ онъ подумаетъ?

Данкова. — О, святая наивность! А вы думаете, онъ не кокетничаетъ?

Вѣрочка. — Что вы! мужчина!

Данкова. — Посмотрите на него, когда онъ на вечерѣ, гдѣ хорошенькія женщины: и говоритъ складнѣе, и любезнѣе, и развязнѣе... Долгъ платежемъ красенъ! Да перестаньте, наконецъ, прозябать; пора вамъ жить!... Мой мужъ былъ старикъ, ревнивецъ, а я умѣла съ нимъ ладить, прожила весело и живу весело. Больше ничего и не надо! А вы до сихъ поръ не приберете къ рукамъ мужа, который васъ обожаетъ!

Вѣрочка. — Но еслибъ я и старалась нравиться другимъ... то-есть кокетничать, то съ кѣмъ же, напримѣръ?

Данкова. — Возьмите хоть Стожникова. Это—молодой человѣкъ très comme il faut! Самый любезный, самый деликатный... и къ тому же никому не проболтается... А это иногда для насъ бываетъ очень важно! Я сама испытала...

Вѣрочка. — А!

Данкова. — То-есть, испытала его преданность. Такъ вотъ съ нимъ. На первый разъ и онъ будетъ хорошъ... А тамъ можно и получше выбрать.

Вѣрочка. — Ей-богу, боюсь...

Данкова. — Ребёнокъ, совершенный ребёнокъ!... Вотъ что я вамъ скажу: пріѣзжайте сегодня вечеромъ ко мнѣ, у меня будетъ Стожниковъ, вы и начните. Я вамъ помогу. Пріѣзжайте, разумѣется, однѣ.

Вѣрочка. — А если Коля узнаетъ?

Данкова. — Тогда будетъ больше васъ любить и слушаться. Намъ и надо, чтобъ онъ узналъ!

Вѣрочка. — Я бы къ вамъ пріѣхала, только...

Данкова. — Что?

Вѣрочка. — Только Коля говоритъ, что я и безъ того слишкомъ часто выѣзжаю.

Данкова. — Этого недоставало! Что жь, онъ васъ запереть на замокъ хочетъ, или я ему такъ ненавистна?...

Вѣрочка. — Онъ не пуститъ. (*Звонокъ*) Это онъ! Пойдемте лучше ко мнѣ: тамъ удобнѣе поговорить...

Данкова (*въ сторону*). — Дѣло идетъ на ладъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Зарновскій, Талецкій (*входятъ вмѣстѣ*).

Талецкій. — Насилу поймалъ! теперь отъ меня не уйдете!...

Зарновскій. — Я и не думалъ уходить. Мы съ вами видѣлись на службѣ.

Талецкій. — Ахъ, mon cher, это совсѣмъ не то! Я васъ ждалъ къ себѣ потолковать на свободѣ, знаете, à coeur ouvert— а вы тутъ о службѣ!

Зарновскій. — По вечерамъ я очень занятъ...

Талецкій. — Нѣтъ, нѣтъ, не говорите! Послушайте, молодой человѣкъ, вы со мной неоткровенны. Я — человѣкъ пожилой... хе, хе, хе, вѣдь мнѣ ужь сорокъ-семь лѣтъ, я могу быть въ нѣкоторомъ родѣ вашимъ отцомъ; зачѣмъ же такъ скрываться?

Зарновскій. — Я и не желаю скрываться.

Талецкій. — Ну, да! Я понимаю, вы еще недавно женаты: молоденькая, хорошенькая женочка... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,

ваша жена будетъ впослѣдствіи удивительная belle-femme. Счастливчикъ, счастливчикъ, нечего сказать!... Отчего вы съ ней никогда ко мнѣ не пріѣдете?

Зарновскій — Я уже сказалъ, что занятъ.

Талецкій. — Отпустите ее одну. Хорошенькія женщины—моя слабость! Ваша жена можетъ изъ меня сдѣлать все, что̀ вы хотите... Попробуйте!

Зарновскій. — Я и пробу считаю излишнею.

Талецкій. — Да? это дѣло иное. Я съ вами пошутилъ. (*Въ сторону*) Подожди, я тебѣ спѣси поубавлю! (*громко*).—Между прочимъ, мнѣ надо поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ, которое еще невполнѣ разъяснено между нами, именно о подрядѣ Мѣднаго...

Зарновскій. — Напротивъ, оно, кажется, хорошо разъяснилось: вы задержали докладъ о взысканіи съ него неустойки...

Талецкій. — Согласитесь, вы сами отчасти здѣсь виноваты.

Зарновскій. — Какимъ образомъ?

Талецкій. — По моему искреннему убѣжденію, необходимо составить новый докладъ, совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Сколько разъ я ни говорилъ, вы до сихъ поръ не сдѣлали!

Зарновскій. — На это есть нѣкоторыя причины...

Талецкій. — Какія же, позвольте узнать?

Зарновскій. —Будетъ ли это согласно съ справедливостью? вотъ вопросъ.

Талецкій.—Вы немножко рѣзко выражаетесь, Николай Алексѣичъ! Я самъ ставлю справедливость, можетъ быть, выше, чѣмъ всякій другой, и готовъ за нее жертвовать послѣдней каплей моей крови!... Я недавно убѣдился, что Мѣдный вполнѣ заслуживаетъ снисхожденія и можетъ быть намъ даже полезенъ.

Зарновскій.—Не съ того ли времени, какъ онъ предложилъ мнѣ взятку?

Талецкій. — Взятку! Что же вы на это?...

Зарновскій. — Я могу только удивиться вашему вопросу!

Талецкій.—Ну, да... Впрочемъ, мнѣ рѣшительно все равно!... (*Встаетъ*).—Я скажу одно: вы должны составить завтра же докладъ въ томъ смыслѣ, какъ я хочу. Понимаете?

Зарновскій. — Понимаю. Ну, а еслибы я не составилъ?

Талецкій. — Замѣтьте, что я, какъ начальникъ, могу вамъ приказать.

Зарновскій. — А я, какъ честный человѣкъ, могу васъ не послушаться.

Талецкій.—Въ такомъ случаѣ, вы меня ужъ извините: съ такими понятіями служить трудно, можно и мѣста лишиться! Впрочемъ, знаете... мы съ вами теперь горячиться не будемъ. Вотъ я вамъ говорилъ... что Вѣра Петровна посѣтила бы меня—она и разсудитъ, какъ тамъ и что... Хе, хе, хе!... Премиленькой посредницей будетъ! Ну, а тамъ...

Зарновскій. — Что?

Талецкій.—А тамъ, пожалуй, я бы поручилъ докладъ другому...

Зарновскій. — Это, наконецъ, чортъ знаетъ что такое! Вы даете мнѣ на выборъ двѣ подлости, которыя вамъ даромъ не обойдутся!...

Талецкій.—Вы забываетесь!... Я заставлю васъ поплатиться...

Зарновскій. — Чѣмъ? мѣстомъ?... Я и безъ того не стану служить!...

Талецкій.—Чтобъ завтра же было прошеніе объ отставкѣ!... Вы у меня раскаетесь, но будетъ поздно! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Зарновскій, Андрей.

Андрей.—Платонъ Степанычъ васъ въ кабинетѣ дожидаются...

Зарновскій. — Сейчасъ (*уходитъ, Андрей за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Вѣрочка (*входитъ*). — Хорошо имъ говорить! У маменьки совсѣмъ другой мужъ, а Наталья Александровна женщина опытная... Она меня любитъ: нѣсколько разъ просила къ себѣ сегодня и уѣхала, взявъ слово. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ я для того вышла замужъ, чтобъ сидѣть дома, какъ пятидесятилѣтняя старуха, заниматься хозяйствомъ, сводить счеты, дрожать надъ каждой копейкой?... Дѣвушкой, я мечтала о свободѣ... а теперь посмотрѣть, гдѣ эта свобода? Другія выходятъ замужъ, веселы, счастливы, а чѣмъ лучше меня?... Мужъ говоритъ, что меня любитъ, но его любовь совсѣмъ не доказывается на дѣлѣ... Даже странно, ей-богу: говоритъ, что я его примиреніе!... а любовьто гдѣ же? Что за примиреніе такое! И чего онъ хочетъ отъ

меня, интересно бы знать? Образовать?... Довольно ужь я въ институтѣ образована, и потомъ очень хорошо знаю, что я не дурочка какая нибудь... Чего ему еще!... Видно, маменька права!... Напрасно говорила я объ этомъ съ дядюшкой; онъ сдружился съ мужемъ и оба хотятъ меня переломить. Надо же наконецъ жить, какъ я хочу!... Смиреніемъ да покорностью немного выиграешь!...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Вѣрочка, Андрей, потомъ Стожниковъ.

Андрей.—Владиміръ Васильичъ Стожниковъ. Прикажете принять?

Вѣрочка.—Проси (*Андрей уходитъ*). Попробовать съ нимъ? можетъ быть, удастся. Онъ такой восторженный!... (*Стожниковъ входитъ*). Вотъ вы и опоздали, m-r Вольдемаръ! Наталья Александровна уѣхала.

Стожниковъ. — Какъ я несчастенъ!

Вѣрочка. — Это совсѣмъ не лестно! Вы пріѣхали къ намъ только для нея?

Стожниковъ. — Нѣтъ-съ, помилуйте!... я... какъ можно!...

Вѣрочка.—Впрочемъ, я васъ оправдываю. Ваша преданность можетъ льстить самолюбію женщины.

Стожниковъ.—Да, Вѣра Петровна! Моя натура въ этомъ случаѣ исключительная: я предаюсь весь!... (*смотритъ на часы*) Однако, третій часъ... Я боюсь васъ обезпокоить...

Вѣрочка. —Нисколько! Напротивъ, я очень рада... Куда вы такъ торопитесь?

Стожниковъ (*въ сторону*). — Что бы это значило?...

Вѣрочка. — А не правда ли, m-r Вольдемаръ, что преданность заключаетъ въ себѣ всегда частицу эгоизма?

Стожниковъ.—Прежде такъ думалъ и я. Но теперь убѣдился, что въ порывѣ преданности человѣкъ менѣе всего думаетъ о самомъ себѣ.

Вѣрочка.—Положимъ. Но какъ же вы отличите ее отъ любви?

Стожниковъ. — Отъ любви?

Вѣрочка. — Да.

Стожниковъ. — Гмъ!... Здѣсь мы должны коснуться обширнаго вопроса—вопроса о томъ, что такое любовь...

Вѣрочка. — Хорошо, коснемся. Что же такое любовь? какъ вы думаете?

Стожниковъ (*пріосаниваясь*).—Любовь! О, это... это, такъ сказать, самозабвеніе! Это — забвеніе прошедшаго, настоящаго и... будущаго. Любовь—высшая самодѣятельность человѣческаго развитія, соединеніе двухъ душъ въ одно цѣлое... послѣднее слово нашего существованія!... Кто любитъ, тотъ... стоитъ на полпути къ безсмертію! (*въ сторону*) А вѣдь недурно!

Вѣрочка (*въ сторону*).—Ничего не понимаю! (*громко*) Какъ вы, однако, описываете любовь! Только теперь я постигаю эту способность души, которая... которая предается другой душѣ и заставляетъ забывать все на свѣтѣ! Я вижу ясно, что любовь можетъ доставить безсмертіе!... Благодарю васъ, Владиміръ Васильичъ! (*даетъ ему руку*).

Стожниковъ. — О! (*въ сторону*) Просто, чортъ знаетъ! Ужасно щекотливо! Прямо идетъ на объясненіе: объясниться или нѣтъ? Что жь, вѣдь въ шею не вытолкаетъ! А тогда Данкову къ чорту!

Вѣрочка. — Скажите, m-r Вольдемаръ, вы много испытали въ жизни?

Стожниковъ. — Еслибы я описалъ все, что испыталъ, то изъ этого вышелъ бы такой романъ, какого у насъ до сихъ поръ не бывало.

Вѣрочка (*улыбаясь*). — Но вѣдь вы еще очень молоды?

Стожниковъ. — Я молодъ лѣтами, но старъ сердцемъ. Вся моя жизнь посвящена на... развитіе женщины. Пришла пора... когда она должна сознать всю свою равноправность и занять мѣсто, опредѣленное природой! На это служеніе я и обрекъ себя...

Вѣрочка (*въ сторону*). — Нѣтъ, такъ трудно продолжать!... (*громко*) Ай, мой браслетъ разстегнулся! какая я неловкая!...

Стожниковъ. — Позвольте застегнуть...

Вѣрочка.—Зачѣмъ же? я сама... Боже мой, никакъ не могу! Потрудитесь, пожалуйста!...

Стожниковъ. — Съ величайшимъ удовольствіемъ! (*застегивая браслетъ, въ сторону*) Что за ручка!... Никакого сравненія съ Данковой!

Вѣрочка. — Вы тоже неловки.

Стожниковъ. — Секунду терпѣнія! (*въ сторону*) Чортъ знаетъ! даже руки дрожатъ... (*наклоняется и цалуетъ руку Вѣрочки*)

Вѣрочка. — Послушайте... (*Зарновскій выходитъ изъ кабинета, Стожниковъ быстро отскакиваетъ*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же, Зарновскій.

Зарновскій (*входя, въ сторону*). — Стожниковъ!

Стожниковъ. — Какъ ваше здоровье, Николай Алексѣичъ?... (*въ сторону*) Скверная штука!

Зарновскій. — Я — здоровъ.

Стожниковъ. — Я, собственно, за Натальей Александровной пріѣхалъ... Ея здѣсь нѣтъ?

Зарновскій. — Нѣтъ. Вы поищите ее гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Стожниковъ. — Однако, я... (*Зарновскій на него смотритъ*) Я во всякомъ случаѣ не думалъ... Впрочемъ, меня ждутъ; позвольте съ вами проститься!... (*Вѣрочкѣ*) Madame!... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Вѣрочка, Зарновскій.

Зарновскій. — Скажи, пожалуйста, что это значитъ? Я сижу въ кабинетѣ съ Платономъ Степанычемъ, слышу здѣсь разговоръ, прихожу—и вижу этого Стожникова!

Вѣрочка. — Что жь такое?

Зарновскій.—Помилуй! съ какой стати ты его принимаешь?

Вѣрочка. — А съ какой стати вы имѣете право выгонять моихъ знакомыхъ? Какое у васъ право, такое и у меня!

Зарновскій. — Что съ тобою?

Вѣрочка. — Мнѣ надоѣли замѣчанія! Я не ребёнокъ. Я сама жить хочу! Я вамъ не раба досталась! (*начинаетъ плакать*) Слава-богу, нынче всѣ женщины пользуются прав... равноправностью!...

Зарновскій. — Это что за новость!

Вѣрочка. — Вы меня считаете какимъ-то безотвѣтнымъ существомъ! Я не для того вышла замужъ, чтобъ опять попасть въ пансіонъ! Въ васъ говоритъ ревность!...

Зарновскій. — Неужели я буду ревновать тебя къ Стожникову! Я хочу, чтобъ ты уважала себя.

Вѣрочка. — Значитъ, безъ васъ, я бы себя унизила? Хорошо мнѣніе о женщинахъ! Будто безъ вашей помощи онѣ не могутъ жить! Боже мой! того ли я ожидала! Нѣтъ! это невыносимо... Я не хочу, чтобъ мной вертѣли, какъ игрушкой! Не хочу, не позволю ни за что на свѣтѣ! Буду ѣздить одна, буду веселиться и сегодня же поѣду къ Данковой, вамъ на зло!...

Зарновскій. — Вѣрочка!

Вѣрочка. — Мое послѣднее слово: будьте такимъ, какъ я хочу, или не пеняйте на себя. А до тѣхъ поръ не смѣйте и показываться мнѣ на глаза!... (*хлопаетъ дверьми и уходитъ въ свою комнату*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Зарновскій. Что̀ съ нею? И все за Стожникова! Не можетъ быть!... Спросить развѣ Платона Степаныча, не знаетъ ли онъ.... Положимъ, это—пустяки, но такъ сердиться... (*идетъ къ дверямъ и встрѣчается съ Платономъ Степановичемъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Зарновскій, Платонъ Степановичъ (*выходитъ изъ кабинета*).

Платонъ Степановичъ. — Что̀ съ вами, Николай Алексѣичъ? Вы какъ будто разстроены?

Зарновскій. — Не знаю, что̀ съ Вѣрой сдѣлалось! Еще новая бѣда!

Платонъ Степановичъ. — А что?

Зарновскій. — Помилуйте, говоритъ, что я ее оскорбляю, дурно обхожусь съ ней, ревную... Теперь заперлась въ своей комнатѣ и не хочетъ меня видѣть...

Платонъ Степановичъ. — Гмъ!... Это она говоритъ не своими словами: въ ней Марья Васильевна съ компаніей сидитъ! Впрочемъ, ужь лучше высказываться, чѣмъ въ себѣ скрывать!...

Зарновскій. — Я, наконецъ, начинаю думать, что она меня совершенно не понимаетъ. Въ ней есть все, чтобъ составить счастіе другаго, но это все скрыто подъ слоемъ какихъ-то напускныхъ понятій, и много надо труда, много умѣнья, чтобъ ее измѣнить!

Платонъ Степановичъ. — Эхъ, голубчикъ!... Охоты въ васъ много, да сила не пускаетъ!

Зарновскій. — Правда ваша! Вотъ она, сила, о которую часто сломится самая твердая воля! Всѣ эти Талецкіе, Стожниковы, Данковы, всѣ эти пигмеи и ничтожества, которыхъ, кажется, развѣялъ бы однимъ щелчкомъ, вся эта нелѣпость, дрязги, пустота и безобразіе такъ васъ охватятъ со всѣхъ сторонъ, такъ накинутся и запутаютъ, что тутъ вопросъ идетъ прямо о жизни или смерти!...

Платонъ Степановичъ. — Вы въ корень-то смотрите!

Зарновскій. — Какъ?

Платонъ Степановичъ. — Въ корень, говорю я! Это сила одолимая! А вотъ какъ изъ малолѣтства привьютъ, да вдалбливать начнутъ, да всѣ косточки да струнки натянутъ, чтобъ по мѣркѣ, по ранжиру ходить... ну, такъ тогда, дѣйствительно, все передѣлывать съизнова приходится!

Зарновскій. — Да, трудна борьба съ потемками!

Платонъ Степановичъ. — Надо бы вамъ съ нею уѣхать куда нибудь. Вотъ что!

Зарновскій. — Боюсь, не поздно ли?...

Платонъ Степановичъ.—Объ этомъ мы еще потолкуемъ. А унывать — дѣло нехорошее.

Зарновскій. — Я и не унываю, Платонъ Степанычъ; только тяжело иногда приходится!...

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, Марья Васильевна и Петръ Степановичъ (*въ бѣломъ галстухѣ*).

Марья Васильевна. — Здравствуйте, Николай Алексѣичъ. Мы пріѣхали, по долгу родителей, поговорить съ вами о нѣкоторыхъ предметахъ, которые касаются счастія нашей единственной дочери... Надѣюсь, вы насъ выслушаете спокойно и отдадите намъ справедливость.

Платонъ Степановичъ.—Начало торжественное! (*брату*). А ты съ чего такъ нарядился? и физіономія необыкновенная, вѣрно газеты прочелъ?...

Петръ Степановичъ. — Оставь, не мѣшай!...

Марья Васильевна. — Дѣйствительно, Платонъ Степанычъ, вы, какъ родственникъ, насъ стѣснять не можете, но все-таки я васъ попрошу нѣсколько... поудержать язычекъ.

Платонъ Степановичъ. — Очень хорошо-съ, поудержу.

Марья Васильевна. — А гдѣ же Вѣрочка?

Зарновскій — У себя въ комнатѣ. У ней голова болитъ.

Марья Васильевна (*въ сторону*). — Начало сдѣлано! (*громко*) Итакъ мы можемъ сѣсть. Петръ Степанычъ, вы, какъ отецъ, говорите первый.

Петръ Степановичъ (*тихо*). — Не лучше ли послѣ, матушка?

Марья Васильевна. — Извольте говорить сейчасъ!

Платонъ Степановичъ (*Марьѣ Васильевнѣ*). — А куда прикажете сѣсть?

Марья Васильевна. — Ахъ, Боже мой, все равно! (*Петру Степановичу*) Ну-съ?

Петръ Степановичъ (*сморкается*). — Я вотъ недавно въ газетахъ читалъ... что, такъ сказать, счастье каждаго человѣка... ну, и изъ политической исторіи оно ясно видно... счастье-то, отъ взаимнаго согласія зависитъ!

Платонъ Степановичъ. — Краснорѣчиво, братъ! продолжай.

Петръ Степановичъ. — Напримѣръ, взглянуть эдакъ... съ гражданской-то точки... это тамъ паденіе государствъ, войны разныя, междоусобія... опять дипломатическіе переговоры... происходятъ, смѣю выразиться, отъ... упущеній семейственныхъ! Вражда, раздоръ, безначаліе! Одинъ: да, другой—нѣтъ. Значитъ, добру не бывать! Семейство—залогъ.

Платонъ Степановичъ. — Дальше!

Петръ Степановичъ (*воодушевляясь*). — Человѣкъ слабъ! Хорошо. Кто не слабъ?... Люди. Человѣкъ къ людямъ—единица. Одинъ слабъ, другой слабъ, третій слабъ... Выходитъ, слабость. А гдѣ же сила?... Сила-то въ чемъ? Одинъ духъ, одно тѣло, одна мысль... Такъ ли я говорю?

Платонъ Степановичъ. — Вѣрно.

Петръ Степановичъ. — Я что? уступка тамъ, уступка здѣсь... я доволенъ. Другой! нѣтъ, другой... недоволенъ... Изъ этого слѣдуетъ, что, такъ сказать, самыя обстоятельства... ну, и приведенный мною примѣръ... (*Марья Васильевна обнаруживаетъ признаки живѣйшаго нетерпѣнія*)

Платонъ Степановичъ. — Что же изъ этого слѣдуетъ?

Петръ Степановичъ. — Изъ этого слѣдуетъ... Ну, я кончилъ! вы и сами догадаться можете.

Марья Васильевна. — Петръ Степанычъ, это наконецъ богъзнаетъ что!

Зарновскій. — Я, признаюсь, до-сихъ-поръ не вижу, въ чемъ дѣло.

Марья Васильевна. — Ахъ, Боже мой! Мы хотимъ сказать, что недовольны вашими отношеніями къ Вѣрочкѣ. Это очень просто!

Зарновскій. — Объяснитесь, пожалуйста.

Марья Васильевна. — Вѣрочка не такъ счастлива. Она не привыкла дома къ такому обращенію, которое...

Платонъ Степановичъ. — Разумѣется, дома съ ней иначе обращались!

Марья Васильевна. — Еще бы! Мы просимъ васъ, Николай Алексѣичъ, дозволить ей больше самостоятельности и прекратить нападки... Такой раздоръ для насъ непріятенъ; тѣмъ болѣе, что наконецъ вредно дѣйствуетъ на здоровье Вѣрочки.

Зарновскій. — Позвольте васъ спросить: вы отъ ея имени говорите или отъ себя?

Марья Васильевна. — Отъ ея имени.

Зарновскій. — Отчего же она сама не скажетъ? Предоставьте мнѣ съ ней переговорить, а до-тѣхъ-поръ я не признаю посторонняго вмѣшательства.

Марья Васильевна. — Однако, это относится, нѣкоторымъ образомъ, и къ намъ. Вы, напримѣръ, не хотите быть знакомымъ съ тѣми людьми, которыхъ мы уважаемъ. Это ставитъ насъ въ фальшивое положеніе.

Зарновскій. — О комъ вы говорите?

Марья Васильевна. — Да хоть бы о Данковой, Талецкомъ...

Зарновскій. — Что до послѣдняго, то я прекратилъ съ нимъ всякія отношенія...

Марья Васильевна. — Какъ!

Зарновскій. — Онъ осмѣлился сдѣлать мнѣ оскорбительныя предложенія, а я рѣшился подать въ отставку.

Платонъ Степановичъ. — Что, Марья Васильевна? по вашему, неблагоразумно сдѣлано, а?

Марья Васильевна. — Какъ же вы, батюшка, о карьерѣ своей не подумали? вы бы хоть о женѣ позаботились!...

Зарновскій. — Я такъ и сдѣлалъ оттого, что слишкомъ много о ней забочусь!

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, Андрей (*съ письмомъ*).

Андрей. — Письмо къ вамъ, Николай Алексѣичъ, очень нужное...

Зарновскій. — Извините, пожалуйста... (*читаетъ письмо*). Такъ и есть: сила все сломитъ!

Платонъ Степановичъ (*подходя къ нему*). — Что съ вами?

Зарновскій — Я проигралъ процесъ, и намъ придется перемѣнить образъ жизни!

Марья Васильевна. — Что я слышу! проиграли процесъ! Ни мѣста, ни денегъ? Что же вы съ моей Вѣрочкой дѣлаете, за что вы ее губите?

Зарновскій. — Я вамъ отвѣчу тогда, когда Вѣрочка мнѣ сама скажетъ, что она несчастна и что я погубилъ ея жизнь!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(*Черезъ два мѣсяца*).

Комната у Зарновскихъ, бѣдно убранная.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Вѣрочка, Степанида.

Степанида. — Какъ же на счетъ обѣда прикажешь?

Вѣрочка. — Ахъ, Боже мой! дѣлай, что хочешь...

Степанида. — Я сдѣлаю, а ты, матушка, потомъ пенять станешь: отчего не такъ, да не этакъ... Лучше изволь сама заказать.

Вѣрочка. — Какая скука!... все одно и то же! И сегодня, и завтра, и послѣ-завтра... Сиди въ пустой комнатѣ, да прислушивайся къ часовому маятнику! Онъ говоритъ: читай или работай, далъ книги, а на что мнѣ? Новаго я ничего не узнаю! Прежде гулять было можно... станетъ скучно, поѣдешь покататься. Теперь лошадей продали, даже человѣка въ домѣ нѣтъ... Скоро ли конецъ этому будетъ?...

Степанида. — Не гнѣви Бога, Вѣра Петровна! Не такое горе видала я на вѣку, а роптать и въ мысляхъ не было. Вотъ Николай Алексѣичъ, дай Богъ ему счастья, не сокрушается, а хлопочетъ день-деньской... Придетъ усталый да разсерженный, а взглянетъ на тебя, и все забылъ. Рѣдкостный человѣкъ, можно сказать!

Вѣрочка. — Хлопочетъ!... Не сидѣть же ему, сложа руки! На то онъ мужчина! Въ бѣду попался, старайся выпутаться!...

Степанида. — Никакой тутъ бѣды, какъ посмотрю я хорошенько, и не водится! Что за бѣда, коли мѣста рѣшился? Другое найдетъ. Это, матушка, дѣло поправимое. А вотъ какъ въ семьѣ, промежъ мужа съ женою, черная кошка пробѣжитъ, да меньше любви и согласія семейственнаго станетъ, тогда поневолѣ пригорюнишься.

Вѣрочка. — Оставь меня, пожалуйста!... Что за пустяки!

Степанида. — Нѣтъ, ужь ты на меня гнѣвайся, сколько хочешь, а я тебѣ правду выскажу!... Кто это словно сглазилъ, словно обошелъ тебя? На моихъ рукахъ выростала ты, какъ деревцо молодое, не прими въ обиду мое глупое слово! Прежде, бывало, у васъ и разговоры велись, и ласковѣе ты съ нимъ была, а теперь словно чужая стала. О чемъ-то все думаешь, иной часъ и взглянуть на него не хочешь. Не можетъ статься, чтобъ провинился онъ въ чемъ: не таковскій онъ человѣкъ! Ужь не о прежнемъ ли довольствѣ, Боже сохрани, ты сокрушаешься?

Вѣрочка. — Нѣтъ, няня, бѣдность мнѣ нетяжела! И въ ней, говорятъ, люди живутъ счастливо. Но вотъ что невыносимѣе всего: мнѣ скучно, и я не знаю, куда дѣться отъ скуки! Прежнихъ знакомыхъ онъ не хочетъ и видѣть, а новыхъ нѣтъ. Развѣ маменька заѣдетъ, или къ ней сама пойдешь душу отвести.

Степанида. — А дядюшка-то на что? Ты сама, матушка, къ нему холоднѣе сдѣлалась, а онъ тебя попрежнему любитъ. Видайся съ нимъ почаще, онъ и безъ того рѣже къ намъ ходитъ...

Вѣрочка. — Для чего? Что мнѣ въ его любви! Развѣ будетъ лучше? Разсужденія надоѣли, я и отъ мужа довольно ихъ наслышалась... Видно, надо покориться и терпѣть, пока силъ станетъ!

Степанида. — Воля твоя, сударыня!... Что же къ обѣду-то приготовить?

Вѣрочка. — Дѣлай, что хочешь! Мнѣ нечего вмѣшиваться... (*Степанида уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Вѣрочка. — Не знаю, отчего я такая раздражительная!... Все меня волнуетъ и сердитъ... Надо чѣмъ нибудь заняться. (*Беретъ книгу*). Посмотрнмъ... (*Перелистываетъ страницы*). Въ институтѣ романы меня интересовали... а теперь не могу ни одного кончить. Неужели жизнь на дѣлѣ совсѣмъ не такая, какъ въ нихъ описывается? Неужели одно мертвое, безмятежное спокойствіе?... День тянется за днемъ, монотонно, ни развлеченій, ни веселья — ничего! И вся жизнь такъ пройдетъ! И умрешь потомъ, и что потомъ будетъ?... А старость придетъ, что отъ молодости останется?... Говорятъ, для женщины любовь — все. Но знаю ли я эту любовь?... Вотъ теперь я одна, и такъ каждый день одна. Что мнѣ изъ того, еслибъ онъ и былъ дома?... Положимъ, придетъ, пообѣдаетъ... Онъ усталъ, измученъ, разстроенъ. О чемъ мнѣ съ нимъ говорить? И все какъ будто недоволенъ... Потомъ пишетъ, думаетъ, ходитъ по комнатѣ. Я точно также одна, какъ и прежде. Нѣтъ, лучше не буду читать; стану работать... (*Беретъ работу и начинаетъ шить*) Надо поскорѣе кончить платье... А когда я начала?... Какой у насъ мѣсяцъ? Май?... да, май. Февраль, мартъ, апрѣль... четвертый мѣсяцъ работаю. Въ институтѣ мы о платьяхъ не думали. А вотъ теперь и самой пришлось шить! Только не нравится мнѣ работа... Стоитъ ли трудиться, когда не знаешь, для чего! (*Бросаетъ работу*) Странная вещь! Мнѣ даже лучше быть одной, чѣмъ съ нимъ... Точно я виновата, точно я причина его тоски. А что мнѣ дѣлать? Не притворяться веселой, когда на душѣ тяжело! Я притворяться не умѣю... Да и къ чему?... Господи, какая скука!... Вотъ замужество, о которомъ я такъ мечтала!...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Вѣрочка, Платонъ Степановичъ.

Платонъ Степановичъ. — А Николай Алексѣичъ дома?

Вѣрочка.—Нѣтъ, дядюшка. Подождите. Можетъ быть, скоро придетъ.

Платонъ Степановичъ.—Мнѣ торопиться некуда. Подождать могу. Ну, что, мѣсто нашелъ? Я его недѣли двѣ не видалъ...

Вѣрочка. — Не знаю.

Платонъ Степановичъ.—Какъ, не знаешь? Развѣ онъ не говорилъ?

Вѣрочка. — Найдетъ, такъ узнаю. Что его разспрашивать! Все равно!

Платонъ Степановичъ.—Ну, это дѣло другое. Я собственно спрашиваю потому, что надо ему кое что сообщить. Только вотъ что: какъ онъ придетъ, такъ ты позволь мнѣ съ нимъ вдвоемъ остаться.

Вѣрочка. — Съ величайшимъ удовольствіемъ. Я стѣснять не буду. Говорите, сколько угодно!

Платонъ Степановичъ. — А!... Впрочемъ, я и безъ твоего позволенія обойдусь, коли на то пошло.

Вѣрочка. Я могу уйти и прежде, если вамъ угодно.

Платонъ Степановичъ. — Зачѣмъ же... Притомъ, не совсѣмъ учтиво оставлять меня одного.

Вѣрочка. — И я не могу узнать тайну, которую вы намѣрены сообщить моему мужу?

Платонъ Степановичъ.—Напротивъ. Только я хочу, чтобъ онъ узналъ первый.

Вѣрочка. — Вѣроятно, интересная вещь!

Платонъ Степановичъ. — Всякая новость, интересная для мужа, интересна и для жены, если она его любитъ.

Вѣрочка. — И если онъ ее любитъ, прибавьте!

Платонъ Степановичъ. — Развѣ можетъ быть сомнѣніе?

Вѣрочка. — Какъ для кого! для васъ—нѣтъ, для меня—есть.

Платонъ Степановичъ. — Стыдно тебѣ такъ говорить-то!

Вѣрочка.—Да позвольте спросить, дядюшка, развѣ вы здѣсь можете быть судьей?... Вы никогда не любили, а говорите о любви. Предоставьте это другимъ. Что̀ значитъ, по вашему, любить?

Платонъ Степановичъ. — Я тамъ вашихъ философствованій не знаю... Я человѣкъ простой, образованія не получилъ, не воспитанъ... По моему, чтобъ совѣсть чиста была, это — главное! Да и чортъ съ нею, съ любовью! Иной любитъ, а хуже врага. Коли мужъ честный человѣкъ—и довольно. А онъ честный человѣкъ, я и прежде говорилъ тебѣ, а теперь узналъ его, сошелся... У меня къ нему сердце лежитъ, я и люблю его... Да, люблю! почище онъ другихъ. Человѣкъ онъ! Брось ты эту дрянь-то... Оглянись!

Вѣрочка. — Удивляюсь я вамъ! Со стороны все лучше кажется, а вы и разобрать этого не хотите... Почемя ъзнаю! мо-

жетъ быть, онъ и ухаживаетъ за кѣмъ нибудь... Данкова говоритъ, что это теперь часто случается!...

Платонъ Степановичъ. — Голубушка моя! ты жить-то не умѣешь!... Плюнь на эти сплетни! Честные люди не прячутся за ширмы, а на чистоту дѣйствуютъ.

Вѣрочка. — А кто поручится, что это неправда?... Видно, есть что нибудь, коли говорятъ.

Платонъ Степановичъ. — Заманить тебя хотятъ — больше ничего; вздоръ это! Посмотри, что̀ ты съ собой-то дѣлаешь!

Вѣрочка.—Нѣтъ, вы спросите, что̀ онъ со мною дѣлаетъ! Гдѣ эта любовь, гдѣ счастье, гдѣ радость?... Ни о чемъ и помину нѣтъ. Да по мнѣ въ тысячу разъ лучше всѣ тѣ, которыхъ онъ ненавидитъ! Тѣ люди съ чувствомъ, съ участіемъ... У тѣхъ мнѣ привольно, съ ними я своя, а здѣсь чужая! Противно мнѣ, не могу я преодолѣть себя!... И какъ это маменька не уговорила меня не выходить за него замужъ! Гдѣ у меня глаза были!

Платонъ Степановичъ. — Да ты шутишь, что ли?... Что жь тебѣ счастье-то даромъ, что ли, достаться должно? Ты заслужила его? Чѣмъ ты заслужила?... Нѣтъ, ты потрудись, да поплачь, да вдумайся, да будь терпѣлива, да на жизнь смотри какъ на дѣло святое... тогда ужь и говори!

Вѣрочка. — Не привыкла я чужимъ подчиняться, не такъ я воспитана!

Платонъ Степановичъ. — Правда! Ты воспитана, чтобъ на балы ѣздить, да пустяки выдумывать... а жизнь-то еще раскусить надо! Ты хочешь ее сломить, а она тебя сломитъ! Ты вотъ и того не видишь, что̀ передъ глазами!... Голубка ты моя хорошая! какъ глаза-то тебѣ открыть? Жаль мнѣ тебя, ей-богу!... Посмотри хоть на меня: измучился я глядя на васъ, и трубка даже немила стала... и курить не могу!... Все думаю, да раздумываю, какъ бы горю помочь!

Вѣрочка. — Вы, дядюшка, не безпокойтесь. Еще больны сдѣлаетесь! Вѣдь я хорошо понимаю: если онъ меня любить не можетъ, такъ ужь ничѣмъ его не заставишь!... Видно, такая моя судьба!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Зарновскій.

Зарновскій. — Давно васъ не видно, Платонъ Степанычъ. Здравствуй, Вѣра.

Платонъ Степановичъ. — Давно не было видно, за то теперь пришелъ недаромъ.

Вѣрочка. — Предугадываю ваше желаніе и оставляю васъ вдвоемъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Платонъ Степановичъ, Зарновскій (*садится у стола*).

Платонъ Степановичъ. — Ну, что новаго, Николай Алексѣичъ?

Зарновскій. — Да все скверно, Платонъ Степанычъ! Три мѣста представлялось—хлопоталъ, бился, просилъ... ничего не вышло. Добрый Талецкій порадѣлъ: такіе отзывы далъ, что никуда меня принять не хотятъ.

Платонъ Степановичъ. — Чѣмъ же вы рѣшили?

Зарновскій. — Я готовъ хоть мелочную лавку открыть, были бы деньги... А откуда ихъ взять? Впрочемъ, все бы ничего... только...

Платонъ Степановичъ. — Что?

Зарновскій. — Вы видѣли?... (*показываетъ на дверь*) Хоть бы взглядъ или слово!

Платонъ Степановичъ. — Знаете что? поѣзжайте въ Сибирь. Вы сами хотѣли ѣхать.

Зарновскій (*встаетъ*). — Какъ, въ Сибирь?

Платонъ Степановичъ. — Послушайте: я былъ сегодня у Нелюбина; вы его знаете?

Зарновскій. — Знаю.

Платонъ Степановичъ. — Онъ сказалъ, что управляющій обкрадываетъ его начисто, дѣла на пріискахъ идутъ скверно, самому ѣхать изъ Петербурга нельзя. Спрашивалъ, не найду ли ему вѣрнаго человѣка; жалованья даетъ пять тысячъ серебромъ въ годъ, только чтобъ сейчасъ же ѣхать. Меня, знаете, такъ варомъ и обдало!... Чего же лучше, думаю: и вамъ будетъ хорошо, и онъ будетъ доволенъ... Я ему про васъ и сказалъ. Хотите, отправляйтесь сегодня къ нему, порѣшите дѣло, а тамъ и съ Богомъ въ дорогу.

Зарновскій. — А Вѣра?

Платонъ Степановичъ. — Это ужъ ваше дѣло. А ѣхать

вамъ надо непремѣнно. Тутъ не для чего оставаться! Злые люди затрутъ... Поѣзжайте-ка вмѣстѣ, да посмотрите на людей.

Зарновскій. — Я уже давно объ этомъ думалъ! Надобно же, наконецъ, вырвать ее изъ пучины... изъ того мрака, который стоитъ вокругъ насъ, какъ непроходимая стѣна... Благодарю васъ, дорогой мой! Можетъ быть, вамъ она будетъ обязана своимъ спасеніемъ... Но... согласится ли она ѣхать?

Платонъ Степановичъ. — Уговорите ее.

Зарновскій. — Разумѣется, иначе нельзя! Тяжело будетъ, а все-таки необходимо... Главное только, пусть она не подумаетъ, что приноситъ для меня жертву! Тогда все пропало! Не любовь будетъ, а сожалѣніе, которое будетъ хуже всякой ненависти. Вѣдь не можетъ же она не понять!...

Платонъ Степановичъ. — Она-то поняла бы, да другіе, пожалуй, понять не дадутъ!

Зарновскій. — Неужели она рѣшится остаться? Не могу я повѣрить этому!

Платонъ Степановичъ. — Ну, а если?...

Зарновскій. — Нѣтъ, Платонъ Степанычъ, не на столько она испорчена! Любитъ же она меня?... Если же... если, въ самомъ дѣлѣ, откажется ѣхать, я все-таки здѣсь не останусь. Для чего оставаться? Не докажетъ ли она этимъ, что совсѣмъ меня не любитъ и никогда не любила?... Счастье будетъ навсегда потеряно!

Платонъ Степановичъ. — Для нея остаться слѣдуетъ.

Зарновскій. — Помилуйте, вѣдь все равно: здѣсь я или нѣтъ. Какъ же она смотрѣть на меня будетъ? Тогда ужь всякое вліяніе мое уничтожится! Исходъ одинъ. Полууступки только ко вреду ведутъ.

Платонъ Степановичъ. — А вѣдь... вы рискуете... такъ сказать, жизнью всей!... Не поговорить ли мнѣ съ нею сперва?

Зарновскій. — Ни къ чему это не послужитъ, Платонъ Степанычъ! Я даже прошу васъ не говорить съ ней ни слова прежде, чѣмъ самъ не объяснюсь. Дайте мнѣ руку, другъ мой! Обнимите меня... Я рѣшаюсь на страшную попытку! Сердце сжимается... Позовите ее!

Платонъ Степановичъ. — Да благословитъ васъ Богъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Зарновскій, Вѣрочка.

Вѣрочка. — Вы меня звали. Что вамъ угодно?

Зарновскій. — Милая моя! Зачѣмъ ты не говоришь мнѣ больше ты?... Я звалъ тебя, чтобъ посовѣтоваться. Видишь ли, я здѣсь служить не могу, я не могу дольше подвергать тебя лишеніямъ; скоро и послѣдняго у насъ не будетъ. Мнѣ надо ѣхать...

Вѣрочка. — Куда?

Зарновскій. — Въ Сибирь. Тамъ мѣсто есть.

Вѣрочка. — И надолго?

Зарновскій. — Думаю, что на нѣсколько лѣтъ.

Вѣрочка. — Что же вы?

Зарновскій. — Я рѣшился. Больше ничего не остается.

Вѣрочка. — А я?

Зарновскій. — Я надѣюсь, что ты меня не оставишь!

Вѣрочка. — Господи! Но это ужасно!... Я совсѣмъ не приготовилась... Когда ты долженъ дать отвѣтъ?

Зарновскій. — Сегодня.

Вѣрочка. — И ты не боишься за насъ обоихъ?

Зарновскій. — Чего же намъ бояться? Мы будемъ сильны любовью.

Вѣрочка. — Любовь отъ всего не охранитъ!

Зарновскій. — Истинная любовь будетъ намъ утѣшеніемъ и защитой.

Вѣрочка. — Все такъ скоро случилось!... Точно во снѣ! И сейчасъ рѣшиться... Какое, однако, положеніе!... Признаюсь, выходя замужъ, я не думала, что мнѣ придется такъ много испытать!...

Зарновскій — Оставь это, ради-Бога!... Можно ли, въ такую минуту... Что ты со мной дѣлаешь!... Перестань, прошу тебя! Мнѣ и безъ того тяжело.

Вѣрочка. — Тебѣ тяжело, а мнѣ нелегче!

Зарновскій. — Неужели ты меня до сихъ поръ не знаешь?... Но, послушай, ты должна сказать, ѣдешь или остаешься. Подумай, выкинь изъ головы все другое, до того ли теперь!...

Вѣрочка. — Ты меня никогда не обманывалъ?

Зарновскій. — О чемъ ты говоришь!... Подожди, дай мнѣ тебѣ свое высказать... Ты знаешь, какъ я люблю тебя, мою милую, хорошую Вѣрочку... Вѣрь ты мнѣ, что мы должны хоть на время, года на два, на три, уѣхать отсюда. Неужели ты не можешь разстаться съ тѣмъ, что тебя окружаетъ? Что тебя удерживаетъ?

Вѣрочка. — Мнѣ страшно!

Зарновскій. — Со мной? А безъ меня не страшнѣе?

Вѣрочка. — Тебѣ надо непремѣнно ѣхать?

Зарновскій. — Посуди сама, что я буду здѣсь дѣлать? Тамъ мѣсто независимое, можно жить въ довольствѣ, можно трудиться съ любовью... Никто не помѣшаетъ, никто не заставитъ идти противъ себя... Здѣсь еще богъ-знаетъ, когда-то представится случай! За что жь мнѣ портить всю будущность? Пора и о ней подумать... Вѣдь ты только воображаешь, Вѣрочка, что тамъ жизнь не можетъ быть хороша; тебя пугаетъ слово...

Вѣрочка. — Что я хотѣла тебя спросить?... Да! скажи... и остаться мнѣ тоже можно?

Зарновскій. — Ты думаешь, я тебя принуждать стану?

Вѣрочка. — И ты безъ меня такъ и поѣдешь?...

Зарновскій. — Господи, сколько разъ мнѣ повторять!... Лучше бы ты не спрашивала, а отвѣчала.

Вѣрочка. — Какъ же я здѣсь жить буду?

Зарновскій. — Не безпокойся; деньги будутъ.

Вѣрочка. — Вотъ и ты разсердился!

Зарновскій. — Нѣтъ, Вѣра! не время теперь сердиться, не должно... Надо прямо другъ другу посмотрѣть въ глаза, надо съ чистымъ сердцемъ помогать другъ другу, надо обоимъ намъ опереться на нашу любовь и идти по нашей дорогѣ впередъ! Ты какъ будто не увѣрена?... Когда же придетъ пора!... Неужли сердце тебѣ не скажетъ!...

Вѣрочка. — Такъ и быть!... Слушай: я тебѣ сказала, что мнѣ страшно, это правда! Но я откину свою боязнь и...

Зарновскій. — Ну, поскорѣе же!...

Вѣрочка. — И спрошу у маменьки. А теперь дай мнѣ подумать...

Зарновскій (*въ сторону*). — Разбилось! (*громко*) Подумай, мой другъ... (*уходя*) Нѣтъ силъ у меня больше! (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Вѣрочка. — Сердце мнѣ скажетъ!... А что говоритъ его сердце? Рѣшиться такъ внезапно!... Навсегда уѣхать, а тамъ какая жизнь будетъ?... А если онъ ужь и теперь меня не любитъ? Если все это притворство? Бѣдная я, бѣдная!... Да, надо непремѣнно самой все разузнать!... Только досадно, что будетъ поздно. Я узнаю все послѣ его отъѣзда... Послѣ его отъѣзда! Какъ странно это слово: отъѣздъ!... Могла ли я думать, что вотъ скоро придется съ нимъ разстаться, и какъ будто и не бывало его!... Впрочемъ, что я говорю, сумасшедшая!... Развѣ я здѣсь останусь? Я должна ѣхать съ мужемъ... Ѣхать! Но развѣ я его люблю? Ну, да, люблю!... Но что же это за любовь? Могу ли я жертвовать всѣмъ и всѣми для неизвѣстнаго будущаго?... Господи, вразуми меня!... Мнѣ страшно... я боюсь всего, всего... даже самой себя! Что, если я ошибалась?...

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Вѣрочка и Степанида.

Степанида. — О чемъ ты, матушка, задумалась? Что пригорюнилась?

Вѣрочка. — Такъ, няня. Я вотъ думала, что всѣ говорятъ про любовь, а знаетъ ли кто нибудь, что это такое?... Ты вотъ была замужемъ; скажи, ты любила своего мужа?

Степанида. — Какъ же, матушка! любила. На то онъ и мужъ былъ, чтобъ его любить!

Вѣрочка. — Ну... а изъ чего же ты это видѣла?

Степанида. — Да по всему оно и видно. Правду сказать, покойникъ-то, не тѣмъ будь помянутъ, крѣпко кутнуть любилъ... Артельщикомъ онъ былъ... Какъ свободный часокъ выдастся, онъ и зашибетъ, и сильно зашибалъ иногда, прости ему Господи!... Вотъ и придетъ домой, тогда подъ руку не попадайся: такъ въ дребезги все и ломитъ. Очень тяжелъ былъ на руку! Буйство такое подыметъ... У меня ндравъ-то сносливый былъ, терпѣливый... Какъ онъ бранить почнетъ, а я его уговаривать: подь, голубчикъ, лягъ да сосни маленечко! Ну, и уговорю. А тамъ проспится — ничего.

Вѣрочка. — И ты могла любить такого мужа?

Степанида. — А то какъ же? и въ законѣ сказано... Правда, выдали меня замужъ противъ волюшки, крѣпко не хотѣлось идти... Однако, попривыкла да обтерпѣлась... Цѣлый десятокъ годковъ маялась! А какъ умеръ мой голубчикъ, за упокой его не разъ панихиду отслужила.

Вѣрочка. — Откуда у тебя столько терпѣнья доставало?

Степанида. — Откуда! Богъ давалъ. Бывало, несносно очень станетъ, я помолюсь, на душѣ и полегчаетъ. Вотъ и ты, матушка, какъ у тебя горе къ сердцу подойдетъ, возьми да и помолись преусердно—какъ рукой все сниметъ!

Вѣрочка. — Пробовала я молиться!...

Степанида. — Вотъ никакъ ваша маменька пожаловала... (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Вѣрочка, Марья Васильевна.

Вѣрочка. — Слава-богу!... (*Марьѣ Васильевнѣ*) Маменька, онъ уѣзжаетъ!...

Марья Васильевна. — Кто уѣзжаетъ и куда?

Вѣрочка. — Мой мужъ—въ Сибирь.

Марья Васильевна. — Въ Сибирь!!

Вѣрочка. — Да, и проситъ меня рѣшиться поскорѣе.

Марья Васильевна. — Это что за новости! И безъ того сдѣлалъ тебя несчастной, а теперь хочетъ разлучить съ матерью!... И вздумалъ куда ѣхать, въ Сибирь, къ дикарямъ! Что онъ заживо тебя хоронить собирается, что ли?

Вѣрочка. — Отъ меня зависитъ ѣхать или остаться.

Марья Васильевна. — За чѣмъ же дѣло стало?

Вѣрочка. — Не знаю, какъ мнѣ быть!

Марья Васильевна. — Господи! ты ли это? Не пятилѣтній ребёнокъ!... Пора образумиться! Посмотри-ка на себя: чтожь, ты уморить себя хочешь? Въ Сибирь тащиться, легко сказать! Ты, какъ свѣчка, въ одинъ мѣсяцъ истаешь...

Вѣрочка. — Люди и тамъ живутъ.

Марья Васильевна. — А мать? Ты забыла о ней?... Что же я буду дѣлать? Хороша награда, нечего сказать! Впрочемъ, я вижу, кто главная пружина. Все твой мужъ: прикидывался тихоней, а теперь какія штуки отпускаетъ! Небось, у ногъ валялся, да упрашивалъ, чтобъ матч покинула?

Вѣрочка. — Онъ мнѣ объ этомъ ни слова не говорилъ...

Марья Васильевна.—Какъ, ни слова?

Вѣрочка. — Только сказалъ, что ѣдетъ, а на счетъ меня предоставилъ рѣшить мнѣ самой.

Марья Васильевна. — Каково! И попросить тебя порядкомъ не хочетъ! Помилуй, гдѣ у тебя глаза? Онъ тебя не любитъ!...

Вѣрочка. — Вы думаете, маменька?...

Марья Васильевна. — Это ясно, какъ день. Жаль мнѣ тебя, Вѣрочка!... А ѣхать тебѣ нельзя ни подъ какимъ видомъ.

Вѣрочка. — Что же онъ подумаетъ? что я его не люблю?...

Марья Васильевна. — Велика важность! А онъ тебя любитъ? Много доставилъ счастія да удовольствій, нечего сказать! Впрочемъ, не безпокойся! Скучно станетъ, самъ скоро вернется...

Вѣрочка. — Неужели?

Марья Васильевна. — Еще бы! Нечего думать! Ты не поѣдешь, а онъ пусть дѣлаетъ что хочетъ... Вѣдь не потащитъ тебя силой?

Вѣрочка. — Онъ не такой человѣкъ.

Марья Васильевна. — И отлично! Ты переѣдешь ко мнѣ и будешь жить съ нами. Никто противъ тебя слова не посмѣетъ сказать, всякій его же осудитъ!

Вѣрочка. — Развѣ онъ виноватъ?

Марья Васильевна. — А то какъ же? Бросить жену и скакать за тридевять земель! Сумасшедшій такъ сдѣлаетъ или тотъ, кому жена опротивѣла... Меня только одно смущаетъ: ты знаешь, что мы въ очень затруднительномъ положеніи, даже, можно сказать, нуждаемся...

Вѣрочка. — Онъ сказалъ, что я буду во всемъ обезпечена.

Марья Васильевна. — Мильйонеръ какой!... У тебя слишкомъ мало самолюбія: ему вздумается, ты и повинуйся. Слава-богу, у тебя мать осталась...

Вѣрочка.—Но какъ же сказать?...

Марья Васильевна. — Да ты хочешь остаться?

Вѣрочка.—Страшно ѣхать!... Богъ-вѣсть, что ожидаетъ меня тамъ... Какъ вы скажете, такъ я и сдѣлаю.

Марья Васильевна. — Поцалуй меня, мой другъ! Истинная дочь, утѣшила материнское сердце! А о немъ не заботься: ручаюсь, вернется скорѣе, чѣмъ ты думаешь... Если тебѣ совѣстно ему признаться, я сама скажу. Только не противорѣчь мнѣ...

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же, Зарновскій, Платонъ Степановичъ.

Платонъ Степановичъ (*увидя Марью Васильевну, Зарновскому*). — Марья Васильевна здѣсь!

Марья Васильевна. — Я съ глубокимъ сожалѣніемъ узнала, дорогой Николай Алексѣичъ, что вы должны покинуть наше... нашу столицу. Надѣюсь, эта горькая разлука будетъ непродолжительна. Повѣрьте, что несмотря на всѣ...

Зарновскій (*Вѣрочкѣ*). — Ты рѣшилась?

Марья Васильевна. — Вѣрочка мнѣ все сказала... Какъ ей ни тяжело разстаться съ вами, Николай Алексѣичъ, но ея здоровье очень слабо... Она и маленькой у меня часто хворала. Все больше нервы!... Къ тому же неувѣренность въ положеніи... и при томъ, я мать, Николай Алексѣичъ!... представьте вы себя на моемъ мѣстѣ!... Мнѣ ужь недолго жить... Я очень хорошо чувствую это, Николай Алексѣичъ, очень хорошо!

Платонъ Степановичъ. — Да что тутъ такое!... Говорите скорѣй, и баста!...

Марья Васильевна. — Вѣрочка остается здѣсь.

Зарновскій (*Вѣрочкѣ*). — Правда?

Вѣрочка. — Я не могу оставить родныхъ... Ты самъ понимаешь...

Зарновскій. — Понимаю!... (*Тихо, Платону Степановичу*) Помогите мнѣ!...

Платонъ Степановичъ. — Останьтесь!...

Зарновскій (*тихо*). — Нѣтъ, испытаніе кончилось!... (*громко*) Вѣрочка, это твое послѣднее слово?

Вѣрочка. Не мучь меня!... могу ли я иначе поступать?...

Зарновскій. — Да, ты поступила такъ, какъ сказало твое сердце! (*подходитъ къ ней*) Благодарю тебя хоть за то, что ты отвѣчала прямо...

Марья Васильевна. — Николай Алексѣичъ, она, можетъ быть, потомъ къ вамъ пріѣдетъ, когда вы устроитесь...

Зарновскій. — Перестаньте, Марья Васильевна!... Ну, что жь! Богъ дастъ, когда-нибудь увидимся!... Будь счастлива! Не забывай меня... Пиши... Я тоже... часто... Платонъ Степанычъ, поручаю вамъ ее... Пусть хоть вы... (*Платонъ Степановичъ съ яростью ломаетъ свой чубукъ*) Пусть хоть вы ей

останетесь... Да, что я хотѣлъ сказать?... Видно, позабылъ!... Не смѣйтесь, Марья Васильевна! я... (*тихо Платону Степановичу*) Уведите меня!... Я больше не могу!

Платонъ Степановичъ. — Порвалась струна!

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

(*Черезъ годъ*).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната у Данковой.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Данкова, Стожниковъ (*сидитъ, развалившись на кушеткѣ*).

Данкова. — Что вы подѣлывали, Вольдемаръ? Я васъ такъ давно не видала.

Стожниковъ. — Былъ занятъ службой и любовью. Пробылъ въ командировкѣ пять мѣсяцевъ, вчера явился пожинать лавры, а черезъ нѣсколько недѣль женюсь... Моя невѣста ѣдетъ изъ деревни и я жду ее со дня на день.

Данкова. — Вы женитесь? Что же Вѣра?

Стожниковъ. — Мы не сошлись характерами... я долженъ былъ съ нею разстаться.

Данкова. — И она хладнокровно перенесла извѣстіе о вашей женитьбѣ?

Стожниковъ. — Я писалъ ей... Впрочемъ, вы знаете, chère Natalie, что она, какъ я слышалъ, не слишкомъ скучаетъ, попрежнему ѣздитъ на балы, вечера...

Данкова. — Куда ее начинаютъ не пускать.

Стожниковъ. — Неужели?

Данкова. — Охота принимать такихъ женщинъ!

Стожниковъ — А Платонъ Степанычъ?

Данкова — Онъ съ ней разсорился. Или, лучше сказать, она не хочетъ его видѣть. Онъ было-думалъ жить съ нею, но потомъ нанялъ отдѣльную квартиру... Впрочемъ, ему все извѣстно, онъ слѣдитъ за нею... Пожалуй, и мужу все пишетъ...

Возницыны совсѣмъ прожились и уѣхали въ свою деревушку; Вѣра, натурально, не согласилась ѣхать съ ними: она такъ привыкла къ здѣшней жизни. Вы знаете, что мужъ ея до сихъ поръ помнитъ обѣщаніе и высылаетъ деньги.

Стожниковъ. — Удивительное хладнокровіе!

Данкова. — Она бережлива и устроилась очень мило, хотя живетъ одна... Теперь, вѣроятно, ей будетъ еще скучнѣе. Впрочемъ, такія женщины скоро находятъ себѣ утѣшеніе... А вы ее очень любили?

Стожниковъ. — Это была вспышка, минутное увлеченіе! Я никогда не занимался ею серьёзно... Она меня больше любила.

Данкова. — Что же было причиною вашего разрыва?

Стожниковъ. — Для меня—скука. Въ ней нѣтъ ни страсти, ни энтузіазма! Она слишкомъ большая... резонёрка.

Данкова. — Итакъ между вами все кончено?

Стожниковъ. — Помилуйте, развѣ я могу продолжать, когда скоро женюсь! Я не хочу портить своей карьеры. Въ сватовствѣ принималъ большое участіе баронъ Сергѣй Николаичъ: моя невѣста приходится ему какъ-то съ родни, не знаю хорошенько... Онъ былъ бы очень недоволенъ, еслибъ женитьба разстроилась. Разумѣется, все кончено! Я ищу только случая въ послѣдній разъ повидаться съ Вѣрой...

Данкова. — Вамъ нельзя къ ней пріѣхать?

Стожниковъ. — Не приметъ. Я долженъ передать ей... Однако, я становлюсь нескромнымъ!

Данкова. — Продолжайте, пожалуйста! Я васъ не выдамъ.

Стожниковъ. — Надо возвратить ей нѣсколько писемъ, которыя она мнѣ писала, когда мы еще были съ ней въ дружбѣ, и которыя могутъ ее компрометировать... Это долгъ порядочнаго человѣка!

Данкова. — А!.. У васъ есть ея письма?.. Послушайте, отдайте мнѣ, я передамъ.

Стожниковъ.—Какъ можно!.. Она подумаетъ, что вы прочли.

Данкова.—Стоитъ съ ней церемониться!... Кстати, она сегодня хотѣла заѣхать ко мнѣ, чтобъ условиться, въ какомъ туалетѣ отправиться вечеромъ къ Талецкому... у него балъ. Вѣдь письма не съ вами?

Стожниковъ. — Нѣтъ.

Данкова. — Привезите ихъ сюда, а я и передамъ при васъ. Это будетъ отлично!

Стожниковъ. — Но для чего же?

Данкова. — Для чего?.. Помните, что я вамъ сказала, годъ тому назадъ, въ тотъ самый вечеръ, когда увидѣла, что вмѣсто любви, могу имѣть къ вамъ только дружбу? въ тотъ самый вечеръ, когда, желая вамъ помочь, я назначила Вѣрѣ свиданіе у себя... Я сказала, что готова на все, чтобъ одурачить Зарновскаго. Теперь самая удобная минута!

Стожниковъ. — Но рѣшиться на такую вещь!.. Вѣдь это капризъ!

Данкова. — Послушайте, если вы не хотите сдѣлать этого для меня, сдѣлайте хоть для себя: мой дядя ни въ чемъ мнѣ не отказываетъ— кого я люблю, того и онъ любитъ; кого я ненавижу, того онъ ненавидитъ. Вы заботитесь о своей карьерѣ — она въ моихъ рукахъ. Стоитъ сказать слово, — и кончено. Выбирайте. Я дѣйствую прямо.

Стожниковъ. — Однако, вы ставите меня въ щекотливое положеніе!... Но говорите такъ убѣдительно, что выбора не можетъ быть. Я ѣду за письмами!

Данкова. — Слава-богу! (*даетъ ему руку, онъ цалуетъ*). Вотъ вамъ покамѣсть маленькая награда. Ахъ, я и забыла, что у васъ невѣста!.. Отправляйтесь же и пріѣзжайте скорѣй.

Стожниковъ. — Дѣлать нечего! (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Данкова. — Наконецъ-то нашелся случай! Однимъ ударомъ наказать и мужа, и жену... на это способна только женщина рѣшительная. Позоръ разнесется далеко и никого не пощадитъ! Туноумный Стожниковъ воображаетъ, что это шутка, капризъ... Нѣтъ, такихъ шутокъ не бываетъ!.. А мужъ? Мужъ будетъ убитъ, и такъ убитъ, что самое имя Вѣры сдѣлается для него противнымъ. И подѣломъ! зачѣмъ на ней женился!.. Нѣтъ, Николай Алексѣичъ, вы дурно меня знали: я не прощаю оскорбленій и не забываю ихъ! Я не позволю перебивать у себя дороги; пришла очередь и другимъ поплатиться!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Данкова, Вѣрочка.

Вѣрочка.—Здравствуйте, Наталья Александровна. Я пріѣхала вамъ сказать, что, несмотря на все мое желаніе, никакъ не

могу быть сегодня вечеромъ у Талецкаго... Потрудитесь передать ему, пожалуйста.

Данкова.—Непремѣнно. Я очень рада, что васъ вижу, потому что могу сообщить вамъ нѣсколько интересныхъ новостей.

Вѣрочка. — Какія же это новости?

Данкова. — Вопервыхъ, Стожниковъ былъ у меня... вы слышали, онъ женится?

Вѣрочка. — Слышала.

Данкова. — Между нами, эта новость очень поразитъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ знакомыхъ дамъ... Какъ вы думаете?

Вѣрочка. — А васъ она поразила?

Данкова.—Меня? нѣтъ. Я не имѣю никакой причины... Его женитьба будетъ особенно непріятна имъ потому, что въ его рукахъ находятся нѣкоторые вещественные знаки невещественныхъ отношеній, напримѣръ, письма и тому подобное... Я сомнѣваюсь, чтобъ онъ ихъ возвратилъ по принадлежности.

Вѣрочка. — Что вы говорите!

Данкова. — Безъ сомнѣнія. Онъ захочетъ ими похвастаться передъ своими пріятелями и автору этихъ писемъ не избѣгнуть огласки.

Вѣрочка. — Неужели онъ на столько низокъ...

Данкова.—А вы до сихъ поръ вѣрили въ его благородство?

Вѣрочка. — Для чего же вы мнѣ это говорите?... какъ вы узнали?

Данкова. — Отъ него же: онъ ужь начинаетъ дѣйствовать. И такъ-какъ, прелестная Вѣра Петровна, мы обѣ очень хорошо знаемъ, кто писалъ эти письма, то я вамъ и хотѣла дать добрый совѣтъ.

Вѣрочка. — Какой?

Данкова.—Прекратить съ этою особою всякія сношенія. Съ своей стороны, я такъ и поступлю. Помилуйте, ma chère, развѣ пріятно видѣть въ нашемъ обществѣ женщину, на которую скоро всѣ станутъ указывать пальцами! Такія женщины должны изгоняться!

Вѣрочка (*вставая*). — Послушайте... это безчестно!...

Данкова.—Очень рада, что вы со мной согласны. Дѣйствительно, безчестно! Такое поведеніе должно быть наказано общественнымъ презрѣніемъ. Запомните это хорошенько, Вѣра Петровна!

Вѣрочка. — Пустите меня!...

Данкова. — Куда вы торопитесь? Подождите. Я еще не кончила...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Стожниковъ.

Данкова (*тихо Стожникову*).—Письма?

Стожниковъ (*отдаетъ ей пакетъ*).—Вотъ они...

Данкова (*Вѣрочкѣ*).—Взгляните на этотъ пакетъ, Вѣра Петровна: здѣсь произведенія вашего краснорѣчиваго пера... Перестаньте притворяться! Они у меня въ рукахъ, но я ихъ вамъ не отдамъ... Не совѣтую даже просить меня, это безполезно! Надѣюсь, что и Николай Алексѣичъ узнаетъ о нихъ въ скоромъ времени!

Вѣрочка (*Стожникову*). — И вы могли такъ поступить?... Мнѣ стыдно...

Стожниковъ. — Что дѣлать?

Вѣрочка. — Вы не видите, что вамъ дѣлать?... Возьмите же ихъ у этой женщины, вырвите ихъ силой!... Я не перенесу позора!... Что же вы молчите? Неужели въ васъ нѣтъ ни капли благородства?... Стать мнѣ на колѣни и просить у васъ пощады?... Вы этого хотите?... За что это, за что?...

Данкова.—Что жь вы, Владиміръ Васильичъ? Берите письма, только прежде подумайте... ха, ха, ха! ваши мольбы потеряли надъ нимъ свою силу, Вѣра Петровна!... Онъ не беретъ ихъ у этой женщины... Кто бы она ни была, мужъ не выгналъ ее отъ себя!

Вѣрочка.—Довольно!... Что вы со мной дѣлаете! Сами же погубили, а теперь... Какая низость! Неужели нѣтъ никого, кто бы вывелъ меня изъ бездны? неужели нѣтъ человѣка, кто бы заступился?... Гдѣ же правда на свѣтѣ?...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, Платонъ Степановичъ.

Платонъ Степановичъ.—Виноватъ, что обезпокоилъ!... Я за тобой, Вѣра. Хорошо, что засталъ! На квартирѣ твоей былъ, тамъ сказали, что здѣсь тебя найду.

Вѣрочка.—Дядюшка, спасите!... Меня оскорбляютъ невыносимо!...

Платонъ Степановичъ.—Что съ тобой? кто могъ тебя оскорбить?

Вѣрочка.—Они! У него были мои письма. Онъ ей отдалъ... Она говоритъ, что мужъ меня выгналъ... Развѣ это правда?... Скажите имъ... Бросьте имъ въ лицо эту ложь!...

Платонъ Степановичъ.—Какія письма?

Данкова.—Вашей племянницы къ этому молодому человѣку.

Платонъ Степановичъ (*Стожникову*). И вы позволили обидѣть женщину?... и вы не говорите ни слова?...

Стожниковъ.—Не мѣшайтесь не въ свое дѣло!...

Платонъ Степановичъ.—Не мое дѣло?... Врете вы! чье жь это дѣло? Не честно вы себя ведете!... стыдно вамъ должно быть! стыдно молчать-то въ такомъ дѣлѣ! На глазахъ женщину обижаютъ — а ему ни почемъ! Да какую женщину! Не стоите вы ея мизинца!.. Вмѣсто сердца, камень у васъ, что ли? Тутъ безчестятъ да позорятъ, а у васъ душа не вскипитъ... Видно, за молодыхъ-то, намъ, старикамъ, краснѣть приходится!...

Данкова.—Вы забываетесь! я не позволю говорить у себя въ домѣ...

Платонъ Степановичъ.—А! вы позволили говорить у себя въ домѣ, что мужъ ее выгналъ?... Кто это сказалъ? Вы сказали. Вы у себя въ домѣ и не постыдились клеветать на женщину, которая васъ ничѣмъ не обидѣла!

Данкова.—Посмѣла бы она меня обидѣть! Такія женщины, какъ я, не допускаютъ обидъ!

Платонъ Степановичъ. — Да, такихъ женщинъ обидѣть трудно!... Вамъ нечего терять! Коли до честныхъ женщинъ далеко, такъ надо ихъ унизить!...

Данкова.—Но скажете ли вы, наконецъ, чего вамъ надо?

Платонъ Степановичъ.—Писемъ!

Данкова.—Ни за что на свѣтѣ! Оставьте меня, я позову...

Платонъ Степановичъ.—Зовите, я не испугаюсь!... Пусть слышатъ... А коли вы этихъ писемъ мнѣ не отдадите, такъ... вотъ что я вамъ скажу напрямки. Больше пятидесяти лѣтъ прожилъ я на бѣломъ свѣтѣ, и ни въ какомъ дурномъ дѣлѣ замѣшанъ не былъ; у меня, видите, сѣдые волосы... Пора и о смерти ужь подумать! Вотъ на груди у меня крестъ... честно я его заслужилъ, кровью своей!... Я честный человѣкъ; далъ слово и сдержу, умру скорѣе! Ну, такъ теперь я вамъ даю мое честное слово—помните это—что вы отъ меня не уйдете!... Гдѣ бъ вы

ни были, я вездѣ васъ найду!... Ужь лучше быть мнѣ нищимъ, лучше ѣсть одинъ черный хлѣбъ, лучше... голову мнѣ себѣ размозжить, чѣмъ оставить васъ! Я пораскопаю вашу жизнь-то, я пораскопаю въ ней грязь... Поздно ужь тогда будетъ! не помилую я васъ!... Что, поблѣднѣли, небось! Шутка! честнымъ именемъ играть! захотѣли—и кончено! И женщина погублена, и вотъ всѣ пальцами на нее показывать станутъ, и сгонять ее со свѣта, и живою въ землю зароютъ... Какъ же, такъ оно и будетъ! А правда, правда на что?... Не вѣрите, не видали? Нѣтъ, живетъ она, матушка, живетъ она въ честныхъ людахъ, не пощадитъ она никого, кто противъ нея... Поднимите голову и смотрите мнѣ въ лицо... Видитъ Богъ, я правду говорю!

Данкова (*нѣсколько времени стоитъ въ нерѣшимости, потомъ бросаетъ пакетъ на полъ*). — Возьмите!... (*Стожникову*) Уйдемте отсюда (*оба уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Вѣрочка, Платонъ Степановичъ.

Платонъ Степановичъ (*поднимаетъ пакетъ съ пола и передаетъ его Вѣрочкѣ*).—Поѣдемъ ко мнѣ. Тамъ ждетъ тебя твой мужъ. Онъ все знаетъ.

Вѣрочка.—А!... (*закрываетъ лицо руками*).

Платонъ Степановичъ.—Онъ видѣть тебя хочетъ.

Вѣрочка.—Не могу! не могу... Оставьте меня, бросьте!... Я умру со стыда!...

Платонъ Степановичъ.—Пожалѣй его! Пойдемъ... (*Уходятъ*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната у Платона Степановича.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Вѣрочка, Платонъ Степановичъ (*входятъ*).

Платонъ Степановичъ.—Слава-богу, наконецъ-то дома!... Ты у меня еще не была; не взыщи, что такое убранство... двѣ комнаты всего. Ну, подождемъ: Николай Алексѣичъ, видно, не пріѣзжалъ... Вѣрочка, не убивайся!

Вѣрочка.—Горько мнѣ! душа вся изныла!... Что я имъ сдѣлала?... Вы спасли меня.

Платонъ Степановичъ.—Полно! погорячился я маленько... усталъ даже, силы-то у меня ужь не прежнія!... А ты вотъ что мнѣ скажи-ка: какъ ты вздумала влюбиться въ вертопраха-то этого?

Вѣрочка.—Стыдно разсказывать... Развѣ я знаю?... развѣ я знаю, что любовь и что нелюбовь? Я вижу только то, что ничего не знаю. Какъ я полюбила?... Я была одна, всѣ меня оставили...

Платонъ Степановичъ.—Вольно жь тебѣ самой было всѣхъ оставить!

Вѣрочка.—Все мнѣ надоѣло, стали смотрѣть на меня какъ-то странно, вѣдумывали богъ-знаетъ какія исторіи, заняться я ничѣмъ не могла—ни къ чему не привыкла, письма отъ мужа приходили рѣже и рѣже: ему писать было не о чемъ, мнѣ также... Тогда мнѣ сдѣлалось такъ тяжело, что и выразить не умѣю! Про моего мужа насказали мнѣ всевозможныя низости, а провѣрить ихъ было нельзя. Стожниковъ началъ бывать у меня: сперва рѣдко, потомъ чаще, потомъ почти каждый день, говорилъ о своей любви, о преданности, клялся, что готовъ всѣмъ для меня пожертвовать... Я увлеклась его словами, въ которыхъ видѣла тогда чувство и о которыхъ даже стыдно теперь вспомнить... Что жь мнѣ еще говорить!... Я замѣтила, что очутилась въ пропасти тогда, когда нельзя было спастись; увидѣла обманъ, когда потеряла всякое довѣріе къ себѣ; увидѣла пустоту и ничтожество, когда сама сдѣлалась пустой и ничтожной... Но, простите, дядюшка, я такъ взволнована, что не въ силахъ высказать всего...

Платонъ Степановичъ.—Успокойся, отдохни! Я тебѣ мѣшать не стану... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Вѣрочка.—Кончилось все!... Назадъ вернуться нельзя, идти впередъ—идти на погибель! Вотъ та дорога, которую я выбрала! Что же остается? Прошлаго не воротишь!... А какъ хорошо было прошлое! сколько счастія оно принесло бы... Я сама отъ него отказалась!... (*Задумывается*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Вѣрочка, Зарновскій (*входитъ при послѣднихъ словахъ. Она оборачивается, бросается къ нему... потомъ останавливается*).

Вѣрочка. — Николай Алексѣичъ!...

Зарновскій. — Я пришелъ узнать, дитя мое, здорова ли ты, какъ ты живешь, не надо ли тебѣ чего?...

Вѣрочка. — Николай Алексѣичъ, благодарю васъ отъ всего серца... Мнѣ... Подожди, дай мнѣ посмотрѣть на тебя!... Ты все тотъ же, честный и благородный!... (*Падая на колѣни*) А я? нѣтъ во мнѣ ни чести, ни совѣсти!

Зарновскій. — Перестань!...

Вѣрочка. (*съ отчаяніемъ*). — Убита я, говорю тебѣ!... Господи, лучше бы умереть мнѣ, чѣмъ тебя теперь видѣть! Только не мучь меня, дай мнѣ съ силами собраться немножко... Я съ-ума сойду!

Зарновскій—Развѣ для того я пришелъ, чтобъ тебя мучить! развѣ я тебя упрекаю?

Вѣрочка. — Заслужила я это! Не вѣрь мнѣ: не стою я снисхожденія! Послушай... для меня нѣтъ оправданія! Я была слѣпа, я не умѣла тебя цѣнить—тебя, котораго люблю всѣми силами моей души... такъ люблю, какъ никогда никого не любила и никого не полюблю! И не думай ты, что это только теперь—нѣтъ! давно ужь я это видѣла, да было поздно!... Вотъ гдѣ мое мученье, вотъ гдѣ наказаніе, хуже какого не бываетъ! Боже милостивый! всей жизни моей недовольно, чтобъ искупить мою вину!

Зарновскій.—Нужно ли тебѣ искупленье? и какое искупленье?

Вѣрочка. — Что ты говоришь!...

Зарновскій. — Бѣдная!... Виновата ли ты! Виновата среда, которая не имѣла на столько умѣнья, чтобъ защитить тебя отъ незнанія; виновато воспитаніе, которое внушило тебѣ фальшь въ жизни; виноватъ и я, воспитанникъ этой среды, который былъ слишкомъ слабъ, чтобъ бороться съ этой силой... Ты съ дѣтства была обречена на жертву! Люди такъ устроили твою жизнь, что эта жизнь тебя сломила... Птичка не живетъ тамъ, гдѣ нѣтъ воздуха!

Вѣрочка. — Сколько силы ты придалъ мнѣ!... Я была такъ оскорблена, такъ унижена...

Зарновскій.—Но что ты будешь дѣлать?... Нельзя тебѣ здѣсь оставаться... Поѣдемъ со мною.

Вѣрочка.—Ты ангелъ!... Но развѣ ты не боишься призрака, который будетъ вѣчно между нами? Возможно ли для меня такое счастіе!... Я вижу, въ чемъ мой долгъ, мое спасеніе... Не отговаривай меня, прошу тебя! Не думай обо мнѣ, дай мнѣ одной подняться, не присылай мнѣ ничего, ни денегъ, ни писемъ... Я выбрала себѣ дорогу...

Зарновскій.—Зачѣмъ идти одной; пойдемъ вмѣстѣ! Посмотри, развѣ твои слова не искупленіе, развѣ ты не другая? Прежняя Вѣра давно умерла въ тебѣ. Переломъ совершился. Въ тебѣ говоритъ только гордость; но вспомни мои слова—приноситъ жертву безъ цѣли безполезно. Да! ты должна со мною ѣхать. Должна, потому что если и не найдешь полнаго счастія, то, по крайней мѣрѣ, обновишься иною жизнью...

Вѣрочка.—Что скажутъ люди, свѣтъ!...

Зарновскій.—Кто первый броситъ въ тебя камень?... А если въ мнѣніи свѣта ты и услышишь укоръ... то, вѣрь мнѣ, этотъ укоръ падетъ не на тебя! (*Вѣрочка сжатываетъ его руку и цалуетъ*).

Конецъ.

LIBRARY OF CONGRESS
00018422505